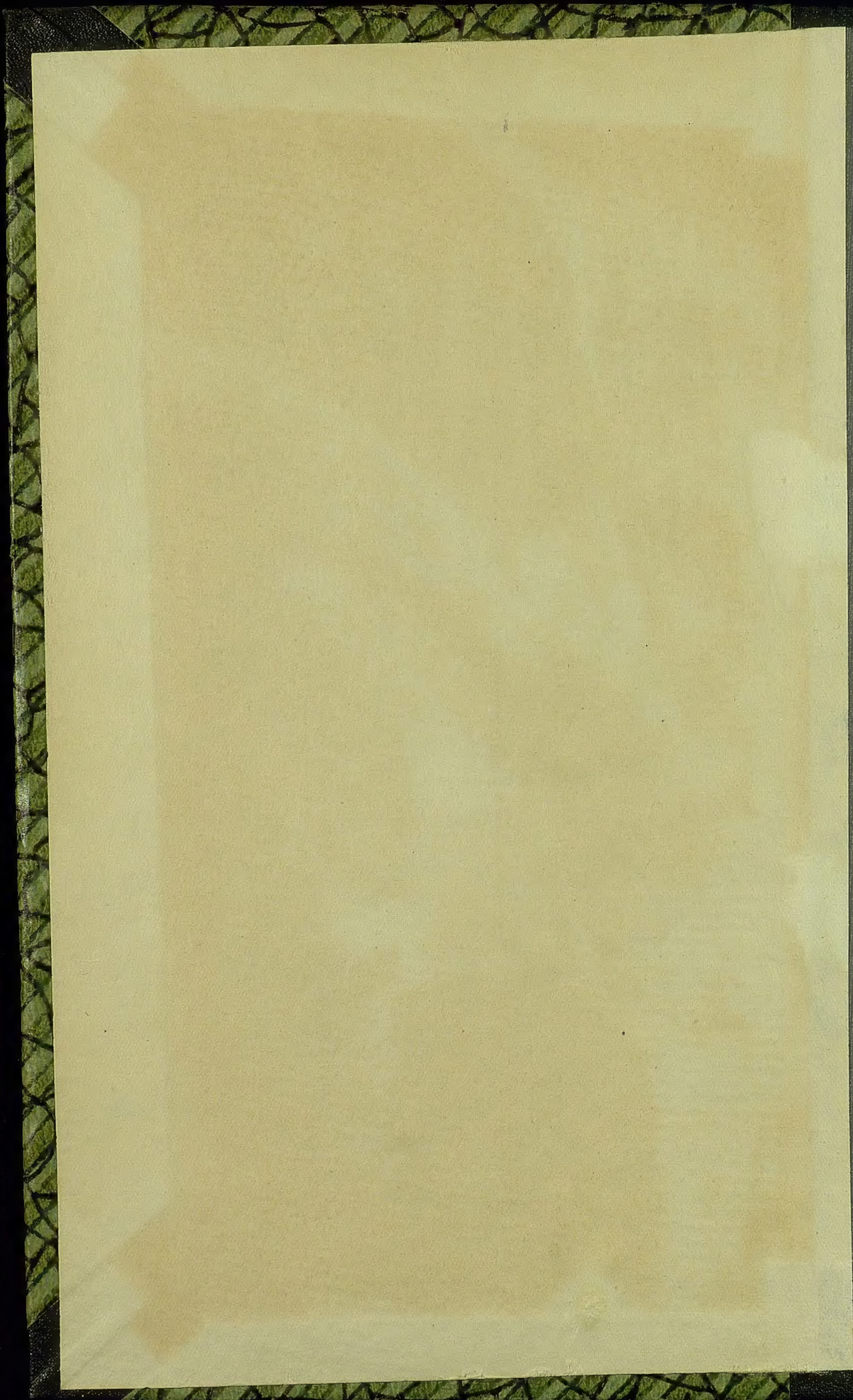

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

МѢРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА

ДЛЯ

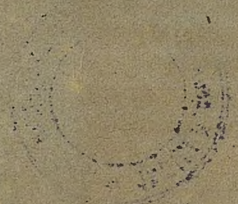
УСИЛЕНІЯ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАЮ СПОСОБОВЪ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА.

СОСТАВЛЕНО ПО АКТАМЪ,

ХРАНЯЩИМСЯ ВЪ АРХИВѢ РИЖСКОЙ ГИМНАЗІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1863.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

МѢРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА

ДЛЯ

УСИЛЕНІЯ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАЮ СПОСОБОВЪ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА.

СОСТАВЛЕНО ПО АКТАМЪ,
ХРАНЯЩИМСЯ ВЪ АРХИВѢ РИЖСКОЙ ГИМНАЗІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.
1863.

Напечатано по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

МѢРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА ДЛЯ УСИЛЕНІЯ ВЪ ОСТЗЕЙСКОМЪ КРАЮ СПОСОБОВЪ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Составленно по актамъ, хранящимся въ архивѣ Рижской гимназіи.

I.

Обученіе русскому языку въ остзейскихъ гимназіяхъ вѣроятно считалось необязательнымъ до 1820 года. — По уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ дерптскому университету, Высочайше утвержденному 4-го іюля 1820 года, русскій языкъ введенъ въ число обязательныхъ учебныхъ предметовъ гимназіи.— Объемъ требуемыхъ знаній въ русскомъ языкѣ по уставу 1820 года. — Обязательство училищной коммиссіи усилить средства преподаванія русскаго языка. — Мѣсто учителя русскаго языка ниже всѣхъ младшихъ учителей другихъ предметовъ, по уставу 1820 года. — Обязательство остается восемь лѣтъ безъ исполненія; русскимъ языкомъ пренебрегаютъ по прежнему. — Предложеніе училищной коммиссіи подготовлять въ русскомъ языкѣ учениковъ къ гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ частнымъ образомъ. — Повелѣніе Императора Александра I, отъ 21-го января 1825 года, о распространеніи знанія русскаго языка въ остзейскомъ краю и намѣреніе причислить училища псковской губерніи къ дерптскому учебному округу. — Для исполненія Высочайшей воли не принято никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ (1820 — 1827).

Изъ хранящихся въ архивѣ рижской гимназіи актовъ, относительно преподаванія русскаго языка въ остзейскихъ гимназіяхъ, самые старые не восходятъ далѣе 1820 года, то есть, когда введенъ и понынѣ дѣйствующій здѣсь училищный статутъ. По разсказамъ же старожиловъ, обученіе русскому языку до того времени не было обязательнымъ, и ему учились только желающіе.

По § 27 устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ дерптскому университету, Высочайше утвержденнаго 4-го іюля 1820 года, русскій

языкъ введенъ въ число обязательныхъ предметовъ обученія, съ назначеніемъ для него по четыре часовыхъ урока въ каждомъ изъ четырехъ низшихъ классовъ, и трехъ уроковъ въ высшемъ или въ первомъ классѣ, всего 19 уроковъ.

Хотя въ пятомъ или низшемъ классѣ обученіе русскому языку, по видимому, только что начиналось, потому что ученики занимались здѣсь чтеніемъ и письмомъ, но уже въ слѣдующемъ, въ четвертомъ классѣ предписывалось говорить съ учениками и принимать отъ нихъ отвѣты не иначе, какъ на русскомъ языкѣ и, начиная съ третьяго класса, требовать отъ учениковъ упражненій на русскомъ языкѣ и чтобы они даже умѣли на немъ мыслить. Столь обширнымъ требованіямъ явно не соотвѣтствовали данныя для обученія средства, а потому въ примѣчаніи къ § 27 устава: «училищная коммиссія дерптскаго университета поставила себѣ въ обязанность назначать по удобности бо́льшее число часовъ, сокращеніемъ ли, по мѣрѣ возможности, времени, опредѣленнаго для другихъ предметовъ ученія, либо преподаваніемъ языка сего еще въ особые часы, сверхъ положеннаго въ уставѣ вообще для ученія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ».

Хотя въ уставѣ признано важное значеніе русскаго языка, познаніе котораго должно не только способствовать жителямъ остзейскихъ губерній къ успѣшному продолженію государственной службы, но и въ разныхъ отношеніяхъ жизни необходимо для нихъ нужно; (Уставъ. Стр. 32), русскій учитель по жалованью поставленъ однако ниже всѣхъ младшихъ учителей (такъ называемыхъ учителей наукъ въ низшихъ классахъ). Именно, между тѣмъ какъ каждый изъ старшихъ учителей древнихъ языковъ получалъ за 15 часовыхъ уроковъ 2000 р. асс., а за одинъ годовой урокъ, (т. е. одинъ урокъ въ недѣлю, въ теченіи цѣлаго года) по $133^1/_3$ р. асс.; каждый изъ младшихъ учителей за 20 уроковъ получалъ 1400 р. асс., а за одинъ 70 р. асс. — учитель русскаго языка за 19 уроковъ получалъ только 1000 р. асс., а за одинъ $53^{13}/_{19}$ р. асс.

Несмотря на вышеупомянутое обязательство, принятое на себя училищною коммиссіею дерптскаго университета, средства преподаванія русскаго языка въ теченіе осьми слѣдующихъ за тѣмъ лѣтъ, то есть до послѣдовавшаго въ 1828 году Высочайшаго о томъ повелѣнія, не только увеличены не были, но и данныя уже уставомъ средства употребляемы были, по видимому, безъ особеннаго успѣха. На обученіе русскому языку стали смотрѣть по преж-

нему, какъ и до введенія устава, съ пренебреженіемъ; русскіе классы были мало посѣщаемы гимназистами, которые даже не оказывали русскому учителю достодолжнаго уваженія [1]). По неприведенію въ исполненіе обѣщаннаго училищною коммиссіею увеличенія средствъ преподаванія, оказалось неизбѣжнымъ понизить требованія, и преподаваніе русскаго языка на этомъ самомъ языкѣ въ 4-мъ и 3-мъ классахъ сверху, предписанное въ § 27 устава, вскорѣ отмѣнено [2]) и оставлено только въ двухъ высшихъ классахъ. Можно судить, какъ мало заботились вообще о средствахъ обученія русскому языку, если, вслѣдствіе донесенія профессора Перевощикова, осматривавшаго преподаваніе русскаго языка въ училищахъ округа, сочтено необходимымъ предписать [3]), чтобы при каждомъ училищѣ имѣлись русскіе учебники и лексиконы и что черезъ полтора года, по поводу донесенія того же профессора, снова подтверждено было [4]) наблюдать за исполненіемъ §§ 27 и 84 устава 1820 года относительно упражненія учениковъ въ русскомъ языкѣ.

Но предписанія училищной коммиссіи и подтвержденія ихъ естественно должны были оставаться безплодными, по недостаточности средствъ къ ихъ исполненію, признанной (въ примѣчаніи къ § 27 устава 1820 года) самою коммиссіею; успѣхи учениковъ гимназій и уѣздныхъ училищъ были неудовлетворительны, между прочимъ конечно потому, что въ заведенія эти принимаемы были ученики, выпущенные изъ элементарныхъ школъ и не умѣвшіе ни читать, ни писать по-русски, такъ-какъ сами учители этихъ школъ русскаго языка не знали. По мысли упомянутаго профессора Перевощикова училищная коммиссія предписала [5]) предложить русскимъ учителямъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ преподавать элементарное обученіе на русскомъ языкѣ, читать и писать, тѣмъ изъ поступающихъ въ эти заведенія, которые не умѣютъ ни того, ни другаго, за извѣстное отъ нихъ вознагражденіе, которое въ послѣдствіи [6]) опредѣлено было въ 10 руб. асс. въ полгода съ человѣка, что и утверждено министромъ народнаго просвѣщенія.

---

[1]) Предписаніе училищной коммиссіи рижскому губернскому директору училищъ отъ 4-го ноября 1821 года за № 1,453.

[2]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 19-го августа 1822 года за № 970.

[3]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 19-го августа 1822 года за № 970.

[4]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 1-го декабря 1823 года за № 1262.

[5]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 11-го ноября 1823 года за № 1185.

[6]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 10-го марта 1824 года за № 172.

Нѣтъ повода думать, что частныя усилія русскихъ учителей и добровольныя пожертвованія публики значительно подвинули дѣло впередъ; напротивъ, изъ одного акта, принадлежащаго къ гораздо позднѣйшему даже времени, когда упомянутая мѣра должна была возъимѣть полное свое дѣйствіе, усмотрѣть можно, что русскіе учители не находили въ рижской публикѣ желанія знать русскій языкъ. Такъ уѣздный учитель Ѳедоровъ доноситъ смотрителю уѣзднаго училища Тверитинову [1], что; «по словамъ учителя училища при церкви Іисуса, Броске, всѣ его 11 учениковъ денегъ за обученіе русскому языку платить въ не состояніи, и къ тому же родители ихъ не желаютъ учить дѣтей своихъ по-русски».

Въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи продолжало оставаться дѣло обученія русскому языку, и училищная коммиссія не приводила въ исполненіе обязательство свое увеличить число русскихъ уроковъ въ гимназіи, даже и тогда, когда послѣдовало повелѣніе Императора Александра I [2]: «обращать въ дерптскомъ университетѣ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему училищахъ на обученіе русскому языку такое же вниманіе, какое обращается на него въ прочихъ университетскихъ округахъ, чтобы въ послѣдствіи не представилось никакихъ препятствій причислить училища псковской губерніи къ дерптскому учебному округу».

Во исполненіе того, училищная коммиссія отправила настоятельнѣйшее предписаніе директору рижской гимназіи [3]) и другихъ: «*самымъ добросовѣстнымъ образомъ* заботиться о распространеніи русскаго языка и о преподаваніи его, и подробно донести о состояніи обученія русскому языку въ его дирекціи и о средствахъ къ усовершенствованію того обученія». Исполнявшій тогда должность рижскаго губернскаго директора училищъ не замедлилъ отвѣтить [4]), что: «при всемъ стараніи русскаго учителя и учениковъ, правильно посѣщающихъ русскіе уроки, для успѣховъ въ этомъ языкѣ остается желать многаго. По многочисленности учениковъ (почти 300) девятнадцати уроковъ въ недѣлю слишкомъ мало. Этого было бы едва достаточно для трехъ высшихъ классовъ; для двухъ же низ-

---

[1]) Отъ 5-го мая 1837 года.

[2]) Рескриптъ министра народнаго просвѣщенія къ попечителю дерптскаго округа отъ 21-го января 1825 года за № 170.

[3]) Отъ 17-го февраля 1825 года.

[4]) Отъ 11-го марта 1825 года за № 166.

шихъ необходимо опредѣлить другаго учителя, который преподавалъ бы въ каждомъ изъ нихъ по шести уроковъ въ недѣлю».

Это предложеніе директора о необходимости увеличенія числа русскихъ уроковъ, по видимому, оставлено училищною коммиссіею безъ вниманія; дѣлу не дано никакого ходу и, слѣдовательно, для исполненія Высочайшей воли не дѣлалось ничего, кромѣ праздной переписки, которая конечно не подвигала дѣла впередъ, какъ это видно изъ сообщенія училищной коммиссіи губернскому директору училищъ [1]) гдѣ говорится, что: «лѣкари выпущенные въ государственную службу изъ медицинскаго факультета дерптскаго университета оказываются недостаточно знающими русскій языкъ».

II.

Императоръ Николай (1827 года) повелѣваетъ увеличить число русскихъ учителей и возвысить ихъ значеніе. — Неодобрительный отзывъ министра о Высочайшемъ повелѣніи и значительное ослабленіе имъ энергическихъ мѣръ, указанныхъ государемъ. — Вредъ отдѣленія русской исторіи и географіи въ преподаваніи отъ всеобщей. — Министръ испрашиваетъ право на 14 классъ, въ награду за совершенное знаніе русскаго языка. — Училищная коммиссія опредѣлила (1834 года) принимать въ университетъ съ познаніями въ русскомъ языкѣ не ниже посредственныхъ (1827 — 1836 года).

Въ такомъ, по прежнему неподвижномъ, положеніи оставалось дѣло обученія русскому языку въ теченіи почти трехъ слѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ, до посѣщенія остзейскаго края Императоромъ Николаемъ. Государь, лично убѣдившись въ недостаточности обученія русскому языку, повелѣлъ увеличить число русскихъ учителей и возвысить ихъ значеніе, какъ это видно изъ прилагаемаго здѣсь въ переводѣ предписанія попечителя учебнаго округа училищной коммиссіи [2]): «Его Императорское Величество въ прошломъ году, во время кратковременнаго своего пребыванія въ Ригѣ и Ревелѣ, посѣтивъ тамошнія гимназіи, равно какъ и ревельское дворянское училище, удостоилъ ихъ начальниковъ, за удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе этихъ заведеній, лестнѣйшей награды—устнаго изъявленія Всемилостивѣйшаго благоволѣнія. Только одинъ, но въ высшей степени важный недостатокъ

[1]) Отъ 15-го сентября 1827 года за № 734.

[2]) Отъ 25-го апрѣля 1828 года за № 405.

замѣтилъ Его Величество, недостатокъ средствъ для основательнаго и всѣмъ русскимъ подданнымъ необходимаго обученія отечественному языку.

«Его Императорскому Величеству угодно было, чтобы этотъ недостатокъ, къ сожалѣнію общій всѣмъ училищамъ остзейскаго края, былъ неотмѣнно и неукоснительно восполненъ, и для принятія необходимыхъ къ этому мѣръ Государь повелѣть соизволилъ, чтобы г. министръ народнаго просвѣщенія теперь же пріискалъ въ петербургскомъ или московскомъ учебномъ округѣ искусныхъ, ревностныхъ и благонадежныхъ, какъ по своимъ знаніямъ, такъ и по нравственнымъ своимъ свойствамъ, учителей русскаго языка и словесности, для опредѣленія ихъ при рижской и ревельской гимназіяхъ и при ревельскомъ дворянскомъ училищѣ. Въ каждое изъ этихъ училищъ опредѣлить по два учителя, чтобы младшіе учителя, обучающіе въ низшихъ классахъ, могли въ тоже время преподавать русскій языкъ въ другихъ публичныхъ училищахъ городовъ Риги и Ревеля, по распоряженію начальства. Во свидѣтельство же особаго вниманія, которое Государь изволилъ обратить на этомъ предметъ, онъ предоставилъ себѣ назначить этимъ учителямъ высшій окладъ въ сравненіи съ прочими.....

«Г. министръ имѣлъ счастіе входить о томъ съ докладомъ къ Его Императорскому Величеству, и къ тому присовокупить, сколь необходимымъ считаетъ онъ, чтобы этимъ же учителямъ поручено было преподаваніе русской исторіи и русской географіи, и при томъ въ ихъ полномъ объемѣ старшему учителю этихъ наукъ, а младшему учителю въ сокращеніи, чтобы ученики ихъ, вмѣстѣ съ изученіемъ русскаго языка и словесности, знакомились съ отечественною исторіею и географіей. Г. министръ испрашивалъ сверхъ того опредѣленія Его Величества относительно оклада тѣхъ учителей.

«Его Императорское Величество на докладной запискѣ г. министра собственноручно написать изволилъ: «Въ настоящее время выдавать имъ жалованья вполовину болѣе противъ обыкновеннаго, но увеличить ихъ содержаніе вдвое противъ обыкновеннаго, если они окажутся дѣльными и будутъ обучать съ видимымъ успѣхомъ».

«Принимая въ соображеніе, что съ одной стороны было бы *несправедливо* этимъ молодымъ людямъ производить окладъ сначала въ половину высшій въ сравненіи съ штатнымъ окладомъ старшаго учителя, съ другой же стороны, что эти кандидаты будутъ обучать не только русскому языку, но также и наукамъ, г. министръ

опредѣлилъ, чтобы старшимъ учителямъ *(русскимъ)* производимъ былъ окладъ вполовину высшій противъ оклада *(младшихъ)* учителей наукъ въ гимназіяхъ, слѣдовательно старшему учителю русскаго языка въ рижской гимназіи 2100 руб. асс., въ ревельской 1800 р. асс. и столько же въ дворянскомъ ревельскомъ училищѣ, а младшему учителю окладъ вполовину высшій противъ теперешняго оклада учителей русскаго языка, равнаго для всѣхъ гимназій, слѣдовательно 1500 р. асс. и сверхъ того квартирныя деньги каждому изъ нихъ, по усмотрѣнію попечителя и съ утвержденія министра». Въ послѣдствіи министръ особымъ докладомъ испросилъ опредѣленіе старшихъ учителей и для гимназіи дерптской и митавской. Итакъ послѣ того, какъ училищная коммиссія, въ теченія восьми лѣтъ, по введеніи устава, медлила выполненіемъ высказаннаго въ примѣчаніи къ § 27 обязательства увеличить число уроковъ, несмотря на повторенное о томъ внушеніе Императора Александра, 21-го января 1825 года; послѣ того, какъ Императоръ Николай, лично убѣдившись въ недостаточности средствъ обученія русскому языку, повелѣлъ, «во свидѣтельство особеннаго своего вниманія» къ этому предмету, умноживъ число русскихъ учителей, назначить имъ жалованье сперва на половину, а впослѣдствіи вдвое высшее въ сравненіи съ другими учителями, самъ министръ (Ливенъ), весьма значительно ослабляя Высочайше предписанныя энергическія мѣры, высказалъ тѣмъ явное нерасположеніе къ точному исполненію воли Государя. Съ непостижимою строптивостью назвавъ рѣшеніе государя *несправедливымъ (unbillig)*, министръ, прямо въ противность Высочайшей волѣ, опредѣляетъ русскому учителю окладъ наполовину высшій сравнительно не съ равными ему, т. е. другими старшими учителями, а съ младшими учителями наукъ, подъ тѣмъ весьма страннымъ предлогомъ, что старшій учитель русскаго языка, въ качествѣ преподавателя русской исторіи и географіи, есть вмѣстѣ какъ бы и учитель наукъ. Крайняя несправедливость этого министерскаго распоряженія выказывается вполнѣ, если вспомнить, что самъ министръ въ томъ же самомъ своемъ предписаніи, возложивъ на старшаго русскаго учителя, сверхъ непосредственной его обязанности, еще преподаваніе русской исторіи и географіи, называетъ его: «старшимъ учителемъ этихъ наукъ» и приравнивать его долженъ былъ только къ старшимъ учителямъ, а отнюдь не къ младшимъ. Кромѣ того, поручая преподаваніе этихъ наукъ старшему русскому учителю, министръ самъ назвалъ цѣлью

этого распоряженія лучшее ознакомленіе учениковъ съ этими науками, а теперь вмѣсто вознагражденія его за особые, возложенные на него труды, по преподаванію тѣхъ наукъ, министръ за то самое почти совсѣмъ лишаетъ его Высочайше дарованной милости; именно, увеличивая окладъ его едва на $1/_{20}$ часть, вмѣсто цѣлой половины, въ сравненіи съ другими равными ему старшими учителями. Подобнымъ образомъ распорядился министръ и относительно жалованья младшему русскому учителю, приравнивъ его окладъ не къ окладу другихъ младшихъ же учителей (получавшихъ 1400 р. асс. за 20 уроковъ въ недѣлю, или 70 р. асс. за одинъ недѣльный урокъ въ годъ), а къ прежнему окладу русскаго учителя, получавшаго менѣе всѣхъ, служащихъ при гимназіяхъ (1000 р. асс. за 19 уроковъ или $53^{13}/_{19}$ р. асс. за еженедѣльный урокъ въ годъ), такъ что вмѣсто слѣдовавшихъ 2,100 р. асс. ему положено только 1,500 р. асс., т. е. не на половину, а только на $1/_{14}$ часть больше другихъ младшихъ учителей. Слѣдовательно русскіе учители, какъ старшій, такъ и младшій повышены жалованьемъ предъ другими, равными имъ по званію, нѣмецкими учителями, каждый не болѣе, какъ на 100 р. асс., какъ будто этою маловажною суммою можно было означить особое монаршее вниманіе къ русскому языку, столь явно высказанное въ Высочайшемъ повелѣніи. Судя по таковому искаженію царскаго повелѣнія, относительно полуторнаго оклада русскихъ учителей, они, разумѣется, не могли уже имѣть никакой надежды когда либо получить за усердную и полезную службу обѣщанный Государемъ двойной окладъ, объ которомъ дѣйствительно впослѣдствіи не было и помину. Но за это, почти вовсе неосуществленное, а теперь уже совершенно несуществующее предпочтеніе русскихъ учителей въ матеріальномъ отношеніи; имъ впослѣдствіи воздано было глубокимъ униженіемъ въ отношеніи педагогическомъ и нравственномъ.

Сверхъ того, взявъ преподаваніе русской исторіи и географіи и передавъ его русскимъ учителямъ, какъ бы для вящшихъ успѣховъ учениковъ и въ наукѣ, и въ языкѣ, министръ въ самомъ дѣдѣ воспользовался этимъ увеличеніемъ обязанности старшаго русскаго учителя только для приравненія его къ младшимъ нѣмецкимъ; а дѣлу ознакомленія и сближенія учениковъ съ русскою жизнью и русскимъ отечествомъ мѣра эта скорѣе повредила, чѣмъ принесла пользу. Съ одной стороны учители всеобщей исторіи и географіи, освобожденные отъ всякой отвѣтственности за успѣхи учениковъ

въ русской исторіи и географіи, не считали себя обязанными самимъ ближе знакомиться съ этими предметами, и по русскимъ источникамъ, и слѣдовательно на русскомъ языкѣ, оставались явно равнодушными къ отечеству и могли даже безъ всякой опасности для себя отзываться предъ учениками съ пренебреженіемъ ко всему русскому; съ другой же стороны ученики, не встрѣчая почти русскаго имени на сценѣ міровыхъ событій, ни указаній на свое отечественное, при обозрѣніи странъ и народовъ, и сами по себѣ могли напасть на мысль, будто исторія русскаго государства потому преподается особо, что ей нѣтъ мѣста въ ряду всемірныхъ историческихъ государствъ, и что заниматься ею, значитъ не болѣе, какъ исполнять пустую формальность, приносить жертву самолюбію правительства. Здѣсь отчасти причина того грустнаго явленія, что здѣшнее учащееся юношество считаетъ своимъ отечествомъ въ тѣсномъ смыслѣ Лифляндію, и въ обширномъ Германію, а не Россію, и отношенія къ ней остзейскаго края ставитъ въ аналогію съ отношеніями Голштиніи къ Даніи.

Прошло около шести лѣтъ и управлявшій министерствомъ (Уваровъ), посѣтивъ учебныя заведенія въ Дерптѣ, замѣтилъ недостатокъ основательнаго изученія русскаго языка [1]) и имѣя въ виду склонить къ тому здѣшнее юношество обѣщаніемъ награды, исходатайствовалъ отъ 20-го февраля 1834 г. Высочайшее повелѣніе: «чтобы тѣмъ изъ воспитанниковъ гимназій дерптскаго учебнаго округа, кои по окончаніи курса, сверхъ отличія во всѣхъ прочихъ наукахъ и въ поведеніи, окажутъ на испытаніи совершенное знаніе русскаго языка и превосходные успѣхи въ русской словесности, предоставить право на чинъ 14-го класса, при вступленіи въ гражданскую службу. Это право, по объясненію попечителя [2]), должно было простираться на воспитанниковъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, но не русскаго происхожденія. Хотя при этомъ не опредѣлено, кого именно считать человѣкомъ русскаго происхожденія, того ли, чьи родители православнаго исповѣданія и носятъ русскую фамилію, или всякаго православнаго. Очевидно, что въ такомъ случаѣ неизбѣжно нарушалась строгая справедливость, потому что съ одной стороны юношамъ нѣмецкаго происхожденія и неправославной вѣры, пріѣхавшимъ изъ внутреннихъ губерній для

[1]) Отъ попечителя университетскому совѣту отъ 5-го марта 1834 г. за № 172.

[2]) Отъ 21-го іюля 1849 года за № 1024.

продолженія своего обученія въ остзейскихъ гимназіяхъ, слишкомъ легко доставалось право на 14 классъ, а съ другой стороны этого права лишались дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, которымъ иногда почти столь же трудно достается знаніе русскаго языка, какъ и полнымъ нѣмцамъ [1]). Справедливость требовала бы, чтобы и русскимъ воспитанникамъ здѣшнихъ гимназій даваемо было право 14-го класса на томъ основаніи, на которомъ получали его воспитанники гимназій во внутреннихъ губерніяхъ, т. е. между прочимъ за отличное знаніе греческаго языка. На представленіе о томъ митавскаго губернскаго директора попечитель отъ 7-го іюля 1851 года за № 913 сообщилъ рескриптъ министра отъ 13-го сентября 1850 года за № 8937, въ которомъ изъяснено: «такъ-какъ эта мѣра не истекаетъ изъ устава дерптскаго учебнаго округа, Высочайше утвержденнаго 4-го іюня 1820 года, то она не иначе можетъ быть допущена, какъ съ Высочайшаго утвержденія, и какъ въ то время найдено было неудобнымъ входить съ представленіемъ о томъ къ Его Императорскому Величеству, то лучше всего повременить представленіемъ, впредь до начертанія новаго устава для училищъ дерптскаго учебнаго округа».

Новый уставъ и до сихъ поръ еще не составленъ. Между тѣмъ весьма обидное для русскихъ лишеніе награды правомъ на 14 классъ особенно чувствуемо было въ митавской гимназіи, гдѣ донынѣ еще существовало особое отдѣленіе для воспитанниковъ, готовившихся къ поступленію въ лѣсной институтъ, куда принимаемы были изъ лицъ податнаго состоянія только тѣ, которые выпускаемы были изъ гимназіи съ правомъ на 14-й классъ. А какъ этого права русскіе вообще получить не могли, то для нихъ совершенно была закрыта эта дорога къ государственной службѣ.

Въ томъ же году [2]) состоялось опредѣленіе училищной коммиссіи, между прочимъ, и относительно объема требованія по предмету русскаго языка отъ оканчивающихъ курсъ гимназіи. Отмѣтки за устные и письменные отвѣты по всѣмъ предметамъ [3]) установлены слѣдующія: № I вполнѣ удовлетворительно, № II вообще удовле-

---

[1]) Донесеніе русскаго законоучителя отъ 29-го декабря 1841 года.

[2]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 5-го ноября 1834 года.

[3]) Языки: 1) латинскій. 2) греческій. 3) русскій. 4) исторія. 5) нѣмецкая литература. 6) математика. Отмѣтка по предмету закона Божія не имѣла вліянія на общій нумеръ.

творительно, № III посредственно. Въ латинскомъ, греческомъ и русскомъ языкахъ требовалось: «умѣть свободно и вѣрно переводить писателей при основательномъ знаніи грамматики; въ латинскомъ и русскомъ языкахъ отчасти умѣніе говорить». Вычисленіе общаго нумера предписано дѣлать такъ, чтобы русскій языкъ имѣлъ значеніе равное прочимъ учебнымъ предметамъ, именно: «для полученія свидѣтельства съ отмѣткою, вполнѣ удовлетворительно», съ общимъ нумеромъ I, требовался № I не менѣе, какъ въ четырехъ предметахъ, въ остальныхъ же двухъ могъ быть № II, но ни въ одномъ предметѣ № III. Для полученія свидѣтельства съ отмѣткою: «вообще удовлетворительно», съ общимъ № II, требовалось имѣть № II не менѣе, какъ въ четырехъ предметахъ, а въ другихъ двухъ могъ быть № III, № III въ трехъ предметахъ не препятствовалъ къ полученію общаго № II, только въ такомъ случаѣ, если экзаменуемый получалъ № I въ одномъ какомъ-либо предметѣ. Неисполнившій этихъ требованій или получившій въ одномъ изъ предметовъ отмѣтку: «совершенно неудовлетворительно» не могъ быть принятъ въ университетъ.

Изъ этого видно, что оканчивающій курсъ гимназіи могъ поступить въ университетъ не болѣе, какъ съ посредственными знаніями въ русскомъ языкѣ; даже при составленіи русскаго письменнаго отвѣта не было воспрещено пользоваться словаремъ.

III.

Начало понудительныхъ мѣръ со стороны правительства. — Повелѣніе Императора Николая требовать отъ поступающихъ въ университетъ основательнаго знанія русскаго языка, начиная съ 19-го декабря 1841 г. — Ревизіи русскаго преподаванія профессоромъ русской словесности и неоднократная смѣна программъ. — Введеніе преподаванія русскаго языка въ элементарныхъ училищахъ и слѣдствія этой мѣры. — Введеніе обязательнаго преподаванія русскаго языка въ частныхъ училищахъ и какъ оно было публикою принято. — Ревизія преподаванія русскаго языка въ частныхъ училищахъ сперва однимъ русскимъ учителемъ и оцѣнка этой мѣры. — Распоряженіе о взаимномъ ревизованіи русскихъ учителей или о наблюденіи ихъ другъ за другомъ. — Вредныя слѣдствія этого распоряженія. — Первое усиленіе требованій знанія русскаго языка отъ оканчивающихъ курсъ въ гимназіи 1836—1845. — Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи новыхъ классовъ руссcaго языка при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. — Учрежденіе министромъ вмѣсто того дополнительныхъ или иначе приготовленныхъ классовъ русскаго языка, въ качествѣ облегчительной, а вмѣстѣ и понудительной мѣры. — Ослабленіе мини-

стерскаго распоряженія о дополнительныхъ русскихъ классахъ, при его примѣненіи къ дѣлу. — Параллельные классы открыты лишь въ трехъ низшихъ, а не въ 1-мъ или высшемъ, ни даже во 2-мъ, не смотря на многократное о томъ представленіе старшаго русскаго учителя. — Закрытіе параллельныхъ классовъ, по случаю преобразованія гимназій изъ пятиклассныхъ въ семиклассныя.

Доселѣ правительство, для распространенія знанія русскаго языка, исключительно дѣйствовало внушеніями, поощреніями и умноженіемъ средствъ преподаванія и не принимало ни одной понудительной мѣры. Теперь же, когда оказалось, что внушенія остаются безъ исполненія, поощреніями не пользуются, и умноженіе средствъ къ обученію русскому языку парализуется безучастіемъ къ нему общества [1]), правительство предпринимаетъ рядъ понудительныхъ и постепенно усиливаемыхъ мѣръ. Въ 1836 году попечитель объявилъ [2]): что «обученіе русскому языку въ дерптскомъ учебномъ округѣ не сопровождается тѣми отрадными результатами, которыхъ правительство въ правѣ было ожидать, послѣ того какъ для достиженія тѣхъ результатовъ оно не только назначило достаточныя средства, но и предложило за успѣшное изученіе этого языка существенныя выгоды». На основаніи этого отзыва попечителя, училищная коммиссія предписала рижскому губернскому директору училищъ [3]) строго взыскивать за русскій языкъ при экзаменахъ и переводѣ изъ класса въ классъ. Это предписаніе само по себѣ едва ли измѣнило бы столь неблагопріятное положеніе дѣла, если бы вскорѣ не послѣдовало Высочайшее повелѣніе, составляющее эпоху въ исторіи мѣръ правительства къ усиленію знанія русскаго языка въ остзейскомъ краю.

19-го декабря 1836 года Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: «1) Строго подтвердить дерптскому университету, чтобы никто не былъ удостоиваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка и 2) черезъ пять лѣтъ никого въ сей университетъ не принимать, если не выдержитъ предварительно строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка».

Училищная коммиссія непосредственно за тѣмъ назначила профессора русской словесности при дерптскомъ университетѣ, для

---

[1]) Донесеніе учителя Ѳедорова отъ 5-го мая 1837 года.
[2]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 12-го февраля 1836 года за № 147.
[3]) Отъ 22-го февраля 1836 года за № 175.

осмотра преподаванія русскаго языка въ учебномъ округѣ [1]; но какіе были результаты этого осмотра и другихъ, за тѣмъ послѣдовавшихъ, изъ актовъ не видно. Только послѣ ревизіи того же профессора въ 1841 г., по его предложенію [2]), послѣдовало предписаніе попечителя: въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи для русскихъ письменныхъ упражненій, измѣнивъ правило устава 1820 г. § 27, по которому въ трехъ высшихъ классахъ слѣдовало упражнять учениковъ въ русскихъ сочиненіяхъ, задавать попеременно сочиненія и переводы. Именно г. профессоръ изъясняетъ, что: «переводныя упражненія заслуживаютъ нѣкоторое преимущество предъ сочиненіями, такъ-какъ въ послѣднихъ начинающій принужденъ употреблять свой небольшой запасъ словъ для выраженія совершенно различныхъ понятій, и оттого происходитъ мертвое, механическое знаніе языка; при переводахъ же обязанъ ученикъ слѣдовать оригиналу, выбирать соотвѣтствующія ему новыя выраженія, и безпрестанно сравнивать свои съ чужими». По причинѣ сбивчивости этихъ доводовъ, г. профессоръ еще три раза впослѣдствіи мѣнялъ свои о томъ мысли, именно въ слѣдующихъ, составленныхъ подъ его вѣдѣніемъ, программахъ преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ дерптскаго учебнаго округа: по учебному плану 23-го февраля 1842 г. положены въ 1-мъ классѣ однѣ сочиненія, въ прочихъ одни переводы. По учебному плану 4-го марта 1849 г. въ 1-мъ классѣ снова переводы попеременно съ сочиненіями, въ прочихъ одни переводы. По программѣ 26-го іюля 1855 г. въ 1-мъ классѣ опять однѣ сочиненія, а во 2-мъ классѣ сочиненія безъ приготовленія (классные экспромпты), а для домашнихъ упражненій переводы... Такая частая перемѣна мыслей доказываетъ шаткость понятій о дѣлѣ, которое слѣдовало бы вполнѣ предоставить усмотрѣнію учителя; а между тѣмъ онъ, какъ здѣсь, такъ и во всемъ своемъ дѣлѣ связанъ былъ по рукамъ и ногамъ подробнѣйшею регламентаціею.

Для достиженія тѣхъ познаній въ русскомъ языкѣ, которыхъ въ силу указа отъ 19-го декабря 1836 года предстояло требовать отъ оканчивающихъ курсъ гимназій, уже начиная съ конца 1841 года, попечитель предписалъ: 1) «обращать особое вниманіе на познанія въ русскомъ языкѣ при переводѣ изъ одного класса въ другой, и даже изъ младшаго отдѣленія класса въ старшее. А какъ изъ гим-

[1]) Предписаніе училищной коммиссіи отъ 13-го декабря 1836 г. за 1860.

[2]) 25-го января 1841 г. за № 147.

назій и уѣздныхъ училищъ поступали жалобы на незнаніе русскаго языка учениками, выпускаемыми изъ элементарныхъ и частныхъ училищъ, то попечитель предписалъ директорамъ гимназій: 2) внушить элементарнымъ учителямъ, которые оканчивали курсъ въ учительской семинаріи, чтобы они преподавали своимъ ученикамъ элементы русскаго языка, 3) смотрѣть за надлежащимъ преподаваніемъ русскаго языка въ частныхъ училищахъ». Первая изъ этихъ мѣръ не вводила въ дѣло ничего новаго, но вторая, исполняемая и доселѣ, едва ли приноситъ пользы столько же, сколько вреда. Элементарные учители почти всѣ инородцы, которые по окончаніи курса въ уѣздныхъ училищахъ, прослушиваютъ двухгодичный курсъ наукъ въ дерптской учительской семинаріи, за весьма немногими исключеніями, плохо понимаютъ по-русски и сами имѣютъ дурное произношеніе, которое прочно прививаютъ и къ ученикамъ своимъ. Конечно, если послѣдніе изъ элементарнаго училища прямо переходятъ въ дѣловую жизнь, то для нихъ умѣнье писать и хоть плохо читать по-русски можетъ пригодиться; но если они поступаютъ въ гимназію, то, несмотря на всевозможныя усилія, часто не удается отучить ихъ отъ дурнаго произношенія и особенно бываетъ трудно научить ихъ развязному и понятному чтенію. Потому, здѣсь нерѣдко случается, что ученикъ высшихъ классовъ гимназіи, очень порядочно знающій русскій языкъ, читаетъ вслухъ по-русски, какъ непрошедшій еще полнаго курса азбуки. Третья изъ означенныхъ мѣръ состояла въ наблюденіи за надлежащимъ преподаваніемъ русскаго языка въ частныхъ училищахъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что правительство имѣетъ полное право въ содержимыхъ на государственныя суммы училищахъ дѣлать обязательнымъ для учениковъ обученіе тому или другому предмету и притомъ въ извѣстномъ объемѣ, въ видахъ общей государственной пользы. И нужно только строгое исполненіе условій относительно русскаго языка при пріемѣ учениковъ въ казенныя учебныя заведенія, и требованіе извѣстныхъ познаній въ немъ отъ всякаго вступающаго въ государственную службу и притомъ требованіе не теоретическое только, доказываемое аттестатами, а практическое, примѣняемое на самомъ дѣлѣ. Этихъ двухъ средствъ, не заключающихъ въ себѣ ничего насильственнаго и оправдываемыхъ самымъ существомъ дѣла, совершенно было бы достаточно, чтобы каждый желающій воспользоваться выгодами общественнаго обученія или преимуществами государственной службы, нашолъ уже самъ для себя вѣрнѣйшія средства къ до-

стиженію своей цѣли. Иначе, безполезно и дѣлать обязательными школьные успѣхи въ томъ языкѣ, знаніе котораго правительство не дѣлаетъ обязательнымъ въ дѣловой жизни. Что на дѣлѣ не примѣняется, тѣмъ непремѣнно пренебрегаютъ. Касательно же частнаго обученія, въ здѣшнихъ провинціяхъ господствовало всегда убѣжденіе, что родители, воспитывая дѣтей своихъ въ частныхъ училищахъ, должны имѣть право, по соглашенію съ содержателями училищъ, обучать ихъ тому и столько, что̀ и сколько они считаютъ нужнымъ, для предстоящей имъ дѣловой жизни. Особенно отяготительнымъ всегда считалось здѣсь принужденное обученіе русскому языку въ дѣвичьихъ училищахъ и большія требованія по этому предмету отъ подвергающихся испытанію на званіе гувернантки, тогда какъ, съ одной стороны, здѣсь небезъизвѣстно, что во внутреннихъ губерніяхъ, куда большая часть ихъ отправляется, родители держатся того мнѣнія, что чѣмъ меньше нѣмка-гувернантка знаетъ по-русски, тѣмъ лучше; а съ другой стороны, здѣшніе русскіе учители справедливо возстаютъ противъ преподаванія русскаго языка гувернантками изъ нѣмокъ, потому что отъ нихъ дѣти навыкаютъ дурному произношенію и неисправимо вялому и непонятному чтенію. Вообще, обязательное обученіе русскому языку частныхъ людей, противорѣчащее убѣжденіямъ здѣшняго общества, едва-ли значительно содѣйствовало распространенію здѣсь русскаго языка; воспитанниковъ частныхъ училищъ, нежелавшихъ учиться ему, или непредвидѣвшихъ для себя особой въ томъ пользы, все-таки не было никакихъ средствъ принудить къ тому; но вредное дѣйствіе этой мѣры на расположеніе умовъ въ обществѣ было несомнѣнно; именно въ ней видѣли произвольную прерогативу правительства, попытку ассимилировать инородцевъ, пропаганду русской народности.

Распоряженіе попечителя, чтобы директоры гимназій и смотрители уѣздныхъ училищъ наблюдали за надлежащимъ преподаваніемъ русскаго языка въ частныхъ училищахъ, при исполненіи своемъ встрѣтило сперва то затрудненіе, что упомянутыя начальственныя лица большею частью сами или вовсе не знали русскаго языка или, по крайней мѣрѣ, не знали его на столько, чтобы быть въ состояніи судить о его преподаваніи. Потому попечитель, ссылаясь на неоднократныя предписанія министра «строго наблюдать за успѣшнымъ преподаваніемъ русскаго языка въ частныхъ учили-

щахъ» предписалъ [1]) директору, сверхъ общей своей ревизіи, посылать иногда по русскимъ училищамъ русскаго старшаго учителя гимназіи, а по уѣздамъ, русскаго учителя уѣзднаго училища, для повѣрки успѣховъ въ русскомъ языкѣ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчеты о томъ должны они подавать самому директору или ближайшему его подчиненному. Эта мѣра очень естественная, еслибъ ей придано было только временное значеніе, въ свое время была бы и небезполезна, но постановленная разъ навсегда, она дѣлалась уже важною ошибкою, потому что какъ бы узаконивала то ненормальное явленіе, т. е. незнаніе русскаго языка самими начальниками казенныхъ заведеній, между тѣмъ какъ хорошее знаніе отечественнаго языка для нихъ необходимо и по многимъ другимъ соображеніямъ. Мало того, впослѣдствіи умѣли придать этой мѣрѣ такое направленіе, что она сдѣлалась источникомъ глубокаго униженія русскихъ учителей, на долго, если не навсегда уронила ихъ и дѣло русскаго языка въ глазахъ общества, такъ что и на всѣ послѣдующія заботы о распространеніи здѣсь знанія русскаго языка привыкли смотрѣть, какъ на что-то насильственное, здѣсь враждебное нѣмецкой народности и началамъ гуманнаго образованія, какъ это впослѣдствіи высказано оффиціально въ рѣшеніи рижской учительской конференціи отъ 10-го ноября 1859 года.

Когда русскій старшій учитель въ своемъ первомъ отчетѣ о ревизіи преподаванія русскаго языка въ частныхъ училищахъ, донесъ [2]), между прочимъ, что не всѣ ученики и ученицы учатся по-русски, что число русскихъ уроковъ недостаточно и жаловался на трудность ревизіи столь многихъ училищъ; тогда рижскій губернскій директоръ училищъ, донося о томъ попечителю, сдѣлалъ предложеніе [3]): кромѣ русскаго старшаго учителя, наряжать для ревизіи еще двухъ казенныхъ русскихъ учителей, «наблюдая, чтобы каждому изъ нихъ назначено было ревидировать лишь тѣ училища, въ которыхъ онъ самъ не обучаетъ, такъ-какъ содержатели частныхъ училищъ охотно поручаютъ у себя преподаваніе русскаго языка русскимъ учителямъ изъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Если поручать ревизію только одному человѣку, то ему придется ревизовать и самого себя, т. е. въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ онъ самъ обучаетъ». Хотя, пови-

---

[1]) Отъ 21-го января 1838 г. за № 132.

[2]) Отъ 28-го октября 1838 года.

[3]) Отъ 30-го марта 1839 года за № 364.

димому, разложеніе ревизіи на трехъ русскихъ учителей (а впослѣдствіи и на всѣхъ казенныхъ) имѣло цѣлью облегченіе труда ревизій, но изъ этихъ заключительныхъ словъ донесенія ясно видно, что не сомнѣніе въ добросовѣстномъ радѣніи содержателей училищъ объ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ, а явное недовѣріе къ самимъ русскимъ учителямъ, вообще, было истиннымъ побужденіемъ къ предложенію этой мѣры, которая и была утверждена попечителемъ [1]). Въ послѣдствіи времени, всѣ русскіе учители должны были принять участіе въ этой ревизіи, которая регламентирована до самыхъ мелкихъ подробностей, въ родѣ слѣдующихъ [2]): «ревидентъ предлагаетъ многочисленные вопросы учащимся, чтобы составить положительное мнѣніе объ ихъ познаніяхъ, при чемъ онъ также обязанъ составить себѣ выводъ объ среднемъ уровнѣ познаній учащихся и выразить это въ числахъ, выставивъ, сколько въ общемъ числѣ учениковъ, очень хорошихъ по русскому языку, сколько хорошихъ, посредственныхъ и слабыхъ. Относительно послѣднихъ ревидентъ обязанъ дознаться истинныхъ причинъ ихъ слабости въ русскомъ языкѣ». Точное исполненіе этого предписанія и физически почти невозможно, такъ-какъ ревизія всего продолжается 4 — 6 недѣль, и каждый русскій учитель, не прекращая учебныхъ занятій по своему училищу, долженъ обревизовать 10 и болѣе училищъ съ среднимъ числомъ 25 челов. учениковъ или ученицъ въ каждомъ. Кромѣ того, ни одинъ русскій учитель не можетъ на все это время прекратить и своихъ частныхъ уроковъ, вознагражденіемъ за которые онъ восполняетъ извѣстную недостаточность казеннаго жалованья. Далѣе, каждый добросовѣстный учитель имѣетъ нравственное побужденіе отозваться съ возможною мягкостью о дѣятельности своего товарища, зная по собственному опыту, что плоды этой дѣятельности зависятъ отъ многихъ постороннихъ причинъ. Такъ напр. одинъ ревидентъ доносилъ [3]), что: «хотя повидимому число русскихъ уроковъ въ учебномъ заведеніи достаточно, но по неравенству учениковъ въ одномъ и томъ же классѣ учитель принужденъ ихъ дѣлить на отдѣленія и такимъ образомъ на каждаго ученика приходится только по одному уроку и менѣе». Дѣйствительно, содержатели частныхъ училищъ принимаютъ желающихъ поступить

---

[1]) Отъ 15-го апрѣля 1839 г. № 608.

[2]) Предписаніе попечителя отъ 8-го ноября 1857 г. за № 1878.

[3]) Отъ 7-го ноября 1839 года.

къ нимъ въ заведеніе въ тотъ или другой классъ и переводятъ потомъ учениковъ изъ одного класса въ другой, почти вовсе не соображаясь съ ихъ познаніями въ русскомъ языкѣ, и обыкновенно побуждаются къ тому финансовыми разсчетами. Итакъ, періодическая ревизія русскаго преподаванія русскими же учителями, по самой сущности своей, необходимо должна была превратиться въ пустую формальность, для успѣха дѣла совершенно безполезную, но для русскихъ учителей весьма тягостную, а также вредную и по своимъ послѣдствіямъ. Именно, какъ скоро наблюденіе за успѣхами учениковъ въ русскомъ языкѣ удалось превратить въ наблюденіе за самими русскими учителями, то тѣмъ самымъ содержатели частныхъ училищъ (а вслѣдъ затѣмъ и начальники казенныхъ училищъ) [1]) освобождены были отъ непосредственной отвѣтственности за успѣшный ходъ русскаго обученія, и считали себя вполнѣ исполнившими свою обязанность, если нанимали учителя изъ казенныхъ и поручали ему узаконенное число учебныхъ уроковъ. Въ этомъ нашли они дешевое средство показать себя предъ публикою чуждыми стремленіямъ правительства и заявить свое къ нимъ несочувствіе. Не замедлило, наконецъ, оказаться и самое вредное слѣдствіе этой мѣры, — крайнее униженіе русскихъ учителей, послѣ того какъ стали смотрѣть на нее, не какъ на дополненіе явно недостаточной ревизіи директоровъ и смотрителей уѣздныхъ училищъ, мало знавшихъ или вовсе незнавшихъ по-русски, а какъ на средство надзора за русскими учителями, не исключая и тѣхъ самыхъ, которые назначаются въ ревиденты. Это ведется въ слѣдующемъ, разъ навсегда заведенномъ, порядкѣ. Каждую осень, нерѣдко вслѣдъ за ревизіею попечителя или инспектора казенныхъ училищъ округа, всѣ, имѣющіе казенное мѣсто, русскіе учители, ревизуютъ другъ друга, помимо какихъ-либо соображеній, относительно занимаемыхъ ими ступеней на служебной лѣстницѣ. Какъ старшій учитель гимназіи ревизуетъ младшаго учителя гимназіи въ частныхъ училищахъ или уѣзднаго учителя въ его казенной должности и въ частныхъ училищахъ, такъ младшій учитель гимназіи или уѣздный учитель въ свою очередь ревизуютъ старшаго учителя въ частныхъ училищахъ, въ которыхъ онъ даетъ уроки. Разъ, если не два раза, было даже такъ: старшій учитель гимназіи назначенъ былъ ревидентомъ въ казенныя училища, которыя онъ ревизовалъ уже лѣтъ 12 сряду; но по

---

[1]) Въ предписаніи попечителя отъ 6-го января 1840 г.

особому предписанію попечителя одновременно съ нимъ также назначенъ въ тѣ же училища ревидентомъ инспекторъ гимназіи. Такъ они и ходили по училищамъ, какъ бы надзирая другъ за другомъ и служа предметомъ посмѣянія для всего города. Кромѣ того, такъ какъ и при всякой общей ревизіи русскихъ учителей контролируютъ гораздо строже, чѣмъ другихъ, то чрезъ это уменьшается уваженіе къ нимъ учениковъ, общества и самихъ товарищей. Общество, видя недовѣріе къ русскимъ учителямъ самого ихъ начальства, не употребляющаго никогда мѣры столь унизительной, какъ вышеописанная, съ учителями другихъ учебныхъ предметовъ, само теряло всякое къ нимъ довѣріе, уваженіе и непріязненныя къ нимъ чувства, порождаемыя уже одними національными предразсудками и областнымъ антагонизмомъ, передавало, разумѣется, и дѣтямъ, отъ которыхъ русскому учителю труднѣе всѣхъ другихъ добиться послушанія.

Итакъ, прошло неболѣе 10 лѣтъ послѣ того, какъ Императоръ Николай, въ 1828 году, въ знакъ особаго своего вниманія къ распространенію знанія русскаго языка въ этомъ краю, повелѣлъ возвысить русскихъ учителей гимназіи надъ ихъ товарищами, пожаловавъ имъ окладъ въ полтора раза высшій и обѣщавъ въ послѣдствіи вдвое высшій въ сравненіи съ другими: между тѣмъ, какъ бы все изъ усердія же къ успѣхамъ русскаго языка, умѣли повесть дѣло такъ, что русскіе учители, вмѣсто возвышенія надъ своими товарищами, очутились въ глубокомъ униженіи предъ ними, передъ обществомъ и передъ собственными учениками. Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ явствовать, что способъ, какимъ министръ Ливенъ привелъ въ исполненіе повелѣніе Императора Николая отъ 23-го апрѣля 1828 года, послужилъ, вообще, образцомъ на все послѣднее время относительно примѣненія мѣръ правительства къ самому дѣлу.

Доселѣ еще продолжало дѣйствовать постановленіе училищной коммиссіи отъ 5-го ноября 1834 года, по которому оканчивающій курсъ гимназіи могъ быть принятъ въ университетъ, если только познанія его въ русскомъ языкѣ нениже посредственныхъ; между тѣмъ, какъ уже два года, т. е. съ обнародованія указа отъ 19-го декабря 1836 г., всякому изъ оканчивающихъ курсъ университета, для полученія званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря, нужно было имѣть познанія въ русскомъ языкѣ неменѣе какъ *достаточныя.* Вслѣдствіе того, попечитель предписалъ [1]) требовать та-

[1]) Отъ 4-го іюля 1838 года за № 1335 и объясненіе предъидущаго отъ 5-го августа 1838 года за № 1528.

ковыхъ познаній и отъ оканчивающихъ курсъ гимназіи, которые съ того времени неиначе могли получить свидѣтельство съ общимъ № I или II, какъ если по предмету русскаго языка имѣли, по крайней мѣрѣ, № II т. е. вообще удовлетворительно. Но съ одной стороны, возвышая по необходимости размѣръ требованій по предмету русскаго языка отъ вступающихъ въ университетъ, попечитель въ то же время изъявлялъ неудовольствіе [1], что въ теченіи почти пяти лѣтъ со времени обнародованія Высочайшаго указа отъ 20-го февраля 1834 г. не награждали выпускаемыхъ изъ гимназіи правомъ на 14 классъ (при поступленіи въ службу), за совершенное знаніе русскаго языка и за отличные успѣхи въ русской словесности.

Когда оставалось только два года до того срока (до 16-го декабря 1841 г.), съ котораго, по указу отъ 16-го декабря 1836 года, воспрещалось принимать въ дерптскій университетъ кого-либо въ студенты, «если не выдержитъ предварительно строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка, и не удостоивать званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря безъ точнаго знанія русскаго языка», тогда въ отклоненіе серьезныхъ послѣдствій отъ неудовлетворенія означеннымъ требованіямъ, пущено въ ходъ мнѣніе, что воспитанники остзейскихъ учебныхъ заведеній не достигаютъ основательнаго знанія въ русскомъ языкѣ потому, что училища переполнены учениками, а учителей русскихъ мало. Министръ народнаго просвѣщенія доносилъ о томъ Государю въ слѣдующихъ выраженіяхъ [2]: «если нѣкоторое замедленіе оказалось въ иныхъ мѣстахъ, то и то слѣдуетъ отнести по справедливости къ тому, что, не взирая на многочисленныя средства, преподанныя отъ министерства, усердіе благомыслящихъ къ основательному изученію отечественнаго языка, доказанное приращеніемъ числа учащихся, превышало мѣру этихъ средствъ и требовало усиленія дарованныхъ пособій». Съ своей стороны курляндское и лифляндское дворянство входило съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ Государю Императору объ умноженіи числа русскихъ учителей въ остзейскихъ губерніяхъ. Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, повелѣлъ министру народнаго просвѣщенія: «сообразить объ учрежденіи новыхъ классовъ русскаго языка, какъ при гимназіяхъ,

---

[1]) Предписаніе попечителя отъ 16-го ноября 1838 г. за № 3151.

[2]) Докладъ министра отъ 15-го декабря 1839 г.

такъ и при уѣздныхъ училищахъ того края» [1]). Министръ предложилъ учредить въ гимназіяхъ дерптскаго округа, въ ревельскомъ дворянскомъ училищѣ и въ шести уѣздныхъ училищахъ дополнительные классы русскаго языка, которые были бы «вмѣстѣ и приготовительные и параллельные: приготовительные потому, что ученикамъ, имѣющимъ слабое познаніе въ этомъ предметѣ, они послужатъ какъ бы ступенью къ переходу въ настоящіе классы; а параллельные, потому что изъ нынѣ существующихъ классовъ могутъ быть переводимы въ дополнительные такіе ученики, кои не въ состояніи еще слѣдовать за ходомъ русскаго языка въ другихъ (?) классахъ» [2]). На семъ основаніи, положено опредѣлить одиннадцать учителей дополнительныхъ классовъ въ гимназіяхъ: митавской, рижской, ревельской, дерптской, въ ревельскомъ дворянскомъ училищѣ, съ жалованьемъ каждому по 286 р. с. и квартирныхъ по 114 р. с. въ годъ; въ уѣздныхъ училищахъ митавскомъ, двухъ рижскихъ, ревельскомъ, перновскомъ и дерптскомъ, съ жалованьемъ по 257 р. с. и квартирныхъ по 86 р. с. въ годъ; наконецъ, младшему учителю дерптской гимназіи, за преподаваніе русскаго языка въ тамошней городской дѣвичьей школѣ, по 142 р. с. въ годъ. Сверхъ сего на усиленіе средствъ къ пріобрѣтенію учебныхъ пособій по части русскаго языка предоставить изъ того же источника въ распоряженіе министерства 657 р. сер. ежегодно, всего же 4857 р. сер.

Сверхъ того, министръ исходатайствовалъ у Государя отсрочку силы указа отъ 16-го декабря 1836 года снова на четыре года, т. е. съ 16-го декабря 1841 года до 16-го декабря 1845 года, съ цѣлію: «дать новымъ распоряженіямъ созрѣть и развиться въ должномъ устройствѣ, дабы въ полной мѣрѣ требовать по истеченіи срока, неукоснительнаго и твердаго исполненія всѣхъ, состоявшихся по сему предмету, распоряженій [3])».

На подлинномъ докладѣ по сему предмету Государь собственноручно написалъ: «быть по сему: я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступать въ учители русскаго языка въ самомъ краю, ибо отличный духъ ихъ мнѣ извѣстенъ».

Если бы министръ сдѣлалъ распоряженіе просто открыть «но-

---

[1]) Докладъ министра отъ 15-го декабря 1839 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

вые классы русскаго языка», какъ объ этомъ состоялось положеніе комитета министровъ, утвержденное Государемъ, въ такомъ случаѣ каждый классъ раздѣлился бы на два въ прямомъ смыслѣ параллельныхъ класса, то есть равныхъ по числу учениковъ и по ихъ занятіямъ, и успѣхи учениковъ отъ того, разумѣется, возвысились бы; такъ какъ при обученіи вообще, и въ особенности при обученіи живому языку, чѣмъ меньше учениковъ въ одномъ классѣ, тѣмъ большихъ успѣховъ ожидать отъ нихъ слѣдуетъ. Съ другой стороны, увеличеніемъ въ остзейскомъ краю числа русскихъ учителей одиннадцатью человѣками, какъ частнымъ училищамъ, такъ и зажиточнымъ людямъ доставлялась возможность пользоваться ихъ услугами. Открывая вмѣсто «новыхъ классовъ русскаго языка» классы дополнительные или такъ названные приготовительные и вмѣстѣ параллельные, министръ имѣлъ, какъ это можно видѣть изъ самаго доклада, двѣ цѣли: 1) чтобы усиленнымъ требованіемъ познаній по предмету русскаго языка не затруднить доступа къ гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ, предписывалось «оказывать до 16-го декабря 1845 г. надлежащее снисхожденіе вступающимъ первоначально въ низшія (т. е. не въ университетъ) училища безъ достаточнаго приготовленія въ русскомъ языкѣ». Для этого новые, слабые въ русскомъ языкѣ, ученики поступали не къ главному русскому учителю, а къ дополнительному, въ приготовительное по русскому языку отдѣленіе того класса, въ который они принимаемы были по своимъ познаніямъ въ другихъ предметахъ. Съ этой стороны мѣру эту должно назвать облегчительною; 2) другою цѣлью министерскаго распоряженія было очищать высшее отдѣленіе каждаго класса отъ слабыхъ въ русскомъ языкѣ учениковъ, которые отсылались для того къ дополнительному учителю въ параллельные классы, и чрезъ то конечно лишаемы были надежды на переводъ въ высшій классъ, хотя бы и заслуживали того по своимъ познаніямъ въ другихъ учебныхъ предметахъ. Съ этой стороны министерское распоряженіе должно было имѣть принудительное дѣйствіе.

Но на самомъ дѣлѣ распоряженіе это принудительнаго дѣйствія почти не имѣло, потому что при начертаніи его, очевидно, не была принята въ соображеніе существовавшая до послѣдняго времени въ здѣшнихъ училищахъ незамкнутость курса, съ семестральнымъ пріемомъ и переводомъ учениковъ и съ раздѣленіемъ каждаго класса на два отдѣленія — старшее и младшее по всѣмъ предметамъ. Та-

кое устройство, неудобство котораго вообще и особенно вредное вліяніе на всѣ мѣры къ усиленію здѣсь знанія русскаго языка будутъ объяснены въ дальнѣйшемъ изложеніи, ослабляло въ весьма значительной степени силу министерскаго распоряженія, чему нѣсколько содѣйствовало и учрежденіе при трехъ высшихъ классахъ гимназій еще такъ называемыхъ коллатеральныхъ, въ которыя поступали неучившіеся греческому языку. Вслѣдствіе всего этого, при осуществленіи министерскаго предписанія, хотя и удержаны названія дополнительный, приготовительный, параллельный, но съ утратою того, впрочемъ условнаго или произвольнаго значенія, которое было имъ придано министромъ, и сдѣланы распоряженія, результаты которыхъ мало соотвѣтствовали первоначальнымъ видамъ министерства.

Передавая министерское распоряженіе для выполненія губернскимъ директорамъ училищъ, попечитель въ своемъ къ нимъ предписаніи [1]) изъ министерскаго выраженія: «классы приготовительные и вмѣстѣ параллельные» выпустилъ весьма важное слово «вмѣстѣ» «(gleichzeitig)»... чрезъ что дополнительные классы русскаго языка явились раздѣльно въ двухъ видахъ,—особо въ качествѣ параллельныхъ и особо въ качествѣ приготовительныхъ; именно предписывалось: 1) раздѣлить переполненные классы, 2) слабымъ въ русскомъ языкѣ давать особые уроки (Separatstunden), то есть сверхкурсные, а слѣдовательно, вовсе ужъ не параллельные.

Директоръ рижской гимназіи вслѣдствіе того представилъ попечителю на утвержденіе проэктъ [2]) открытія дополнительныхъ классовъ, но только для четырехъ низшихъ классовъ; а первый или высшій классъ долженъ былъ остаться безъ раздѣленія, потому что полагалось «принимать въ этотъ классъ только такихъ учениковъ, которые знали русскій языкъ въ предписанномъ объемѣ».

Это послѣднее предложеніе отнюдь не вытекаетъ изъ министерскаго предписанія, въ которомъ дополнительныя отдѣленія полагаются для всѣхъ классовъ вообще. Да если въ четырехъ низшихъ классахъ нашлись слабые ученики, то какъ свободенъ будетъ отъ таковыхъ 1-й или высшій классъ, въ который ученики переводятся изъ втораго класса тѣмъ же самымъ порядкомъ, какой соблюдается и при переводѣ въ другіе классы. Кромѣ того, ученикъ по разнымъ

---

[1]) Отъ 6-го января 1840 г. за № 42.
[2]) Отъ 29-го января 1840 г. за № 119.

причинамъ можетъ сдѣлаться и въ высшемъ классѣ слабымъ, не бывши таковымъ въ низшихъ классахъ. Наконецъ, если бы мѣра эта къ предупредительному устраненію слабыхъ учениковъ въ 1-мъ или высшемъ классѣ, была достаточна, то ее можно было бы распространить и на всѣ другіе классы, кромѣ пятаго или самаго низшаго, такъ какъ, по смыслу министерскаго предписанія, вступающимъ въ него надлежало оказывать по русскому языку снисхожденіе.

Несмотря на все это, попечитель не только утвердилъ [1]) предложеніе директора объ оставленіи перваго или высшаго класса безъ раздѣленія на главный и дополнительный, но предписалъ оставить также безъ раздѣленія второй и третій классъ сверху, и если есть въ нихъ слабые ученики, то направлять ихъ въ особыхъ, сверхкурсныхъ урокахъ, а впослѣдствіи не переводить слабыхъ въ эти классы. Мало того, попечитель объявилъ учрежденіе дополнительныхъ уроковъ при гимназіяхъ мѣрою вообще временною, которая по приготовленіи слабыхъ учениковъ имѣетъ прекратиться; хотя этого никакъ нельзя вывести изъ Высочайшаго указа объ опредѣленіи дополнительныхъ русскихъ учителей, съ утвержденнымъ однажды навсегда окладомъ.

Такія рѣзкія отступленія объясняются тѣмъ, что исполнители предначертаній правительства, какъ бы не замѣчая ихъ сущности, ограничивались только формальнымъ ихъ исполненіемъ, а не заботились о дѣйствительномъ повышеніи общаго уровня знанія русскаго языка. Едва-ли можно какими бы то ни было средствами достигнуть того, чтобы вовсе не было слабыхъ учениковъ; и не въ томъ бѣда, что слабые слабы, а въ томъ, что и хорошіе-то ученики по русскому языку не довольно въ немъ сильны. Къ устраненію-то этого недостатка прямо могло вести повелѣніе Государя объ учрежденіи новыхъ классовъ русскаго языка, чрезъ что хорошимъ ученикамъ было бы доставлено почти вдвое болѣе противъ прежняго средствъ къ усовершенствованію себя въ языкѣ. Нѣсколько косвенно вело къ той же цѣли и распоряженіе министра, дававшее главному учителю болѣе времени заняться одними хорошими учениками, чрезъ отсылку слабыхъ въ дополнительные классы. Но когда открытіе параллельныхъ классовъ, по распоряженію попечителя, ограничено лишь двумя низшими классами, то наибольшая часть учительскихъ силъ была направлена къ ознакомленію учени-

---

[1]) Отъ 7-го февраля 1840 г. за № 309.

ковъ съ началами языка, а не къ поднятію общаго уровня познаній въ немъ. И кромѣ того, изъ двухъ вышеупомянутыхъ цѣлей министерскаго распоряженія достигалась только первая, облегчительная, а понудительная совершенно упущена изъ виду. Второй классъ сверху, обыкновенно почти самый многочисленный, оставался весь на рукахъ у старшаго учителя, которому переданы были даже два дополнительные внѣкурсные урока ученикамъ втораго и перваго классовъ, съ которыми, по состоянію здѣшней дисциплины, младшій учитель не могъ справиться, и наконецъ два коллатеральные урока (реалистамъ) въ первомъ и одинъ урокъ во второмъ классахъ. Такимъ образомъ, къ нему поступала не только часть дополнительныхъ уроковъ, для которыхъ собственно и опредѣлены новые учителя, но и уроки, такъ сказать наполнительные, то есть взамѣнъ греческихъ, тѣмъ ученикамъ, которые по гречески не учились, и прежде того въ другихъ училищахъ или уходили домой или оставались въ училищахъ незанятыми. Вслѣдствіе того, ⅓ всей дѣятельности старшаго учителя обращена была не на полные классы, какъ это было прежде, но или на небольшое число коллатераловъ, или на слабыхъ учениковъ, которые все таки продолжали быть слабѣе другихъ, по слабости дарованій.

Въ третьемъ классѣ было таки, въ послѣдствіи, открыто параллельное преподаваніе русскаго языка, но на представленіе русскаго учителя объ открытіи таковаго же во 2-мъ классѣ, попечитель отвѣчалъ отказомъ. Въ 1845 г., по случаю утвержденія учебнаго плана 1842 г. на новые пробные три года, старшій русскій учитель снова просилъ чрезъ директора о раздѣленіи втораго класса на два, указывая на то, что 2-й младшій учитель гимназіи даетъ 4 урока въ одномъ изъ приходскихъ училищъ, вмѣсто того, чтобы давать ихъ въ гимназіи, сообразно съ своимъ назначеніемъ. Директоръ, сообщая [1] попечителю о желаніи старшаго учителя русскаго языка, хотя соглашается, что цѣль учрежденія мѣста 2-го младшаго учителя состояла именно въ томъ, чтобы ученики, раздѣленные между двумя учителями, пріобрѣтали болѣе познаній въ языкѣ, но что въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ того, можетъ-ли ровно идти преподаваніе старшаго и младшаго учителя и что въ этомъ, вѣроятно, заключается причина, почему и прежде не было дозволено открыть при второмъ классѣ параллельный. Приведеніе этой причины до-

[1] Отъ 26-го апрѣля 1845 г. за № 330.

казываетъ, какъ скоро забыли или, можетъ быть, не хотѣли ни понять, ни помнить, что, по мысли министра, дополнительнымъ классамъ слѣдовало быть не просто параллельными, а вмѣстѣ и приготовительными къ главнымъ классамъ, слѣдовательно равнаго хода преподаванія въ нихъ обоихъ вовсе и не предполагалось. Хотя попечитель разрѣшилъ [1]) на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, раздѣлить второй классъ на два, но это продолжалось только три года и снова отмѣнено въ 1849 году. Старшій русскій учитель напрасно представлялъ [2]) чрезъ директора о необходимости удержать раздѣленіе втораго класса, въ которомъ учениковъ бывало 50—60 и притомъ весьма различной степени познаній, такъ какъ одни изъ нихъ сидѣли въ классѣ уже два года и болѣе, другіе же полтора года, годъ и полгода. Потомъ объяснялъ онъ, что въ 3 недѣльные урока, назначенные собственно для обученія языку (не считая русской исторіи) нѣтъ никакой возможности одному учителю довести такое число учениковъ до той степени познаній, какихъ начальство требуетъ отъ переводимыхъ изъ 2-го класса въ 1-й, что живое знаніе языка необходимо предполагаетъ живое его употребленіе, а при теперешнемъ положеніи каждому ученику приходится поговорить съ учителемъ по русски не болѣе десяти разъ въ годъ и притомъ лишь по нѣскольку минутъ, что при этихъ средствахъ скорѣе можно разучиться языку, нежели въ немъ усовершенствоваться. Наконецъ, учитель прямо объявлялъ, что, вслѣдствіе отмѣны при второмъ классѣ параллельнаго отдѣленія, уровень знаній языка у оканчивающихъ курсъ гимназіи непремѣнно понизится. На эти представленія старшаго учителя директоръ отвѣчалъ ему, что уменьшеніе успѣшности преподаванія приписано будетъ уменьшенію искусства и ревности въ учителѣ.

Попечитель подтвердилъ [3]) отказъ дѣлить 2-й классъ, предписывая, что въ двухъ высшихъ классахъ не должно быть неровныхъ учениковъ, а для этого нужно строже экзаменовать вновь вступающихъ и переводимыхъ изъ другаго класса учениковъ. Между тѣмъ попечителю не могло быть безъизвѣстно, что учитель втораго класса не имѣлъ голоса относительно перевода учениковъ изъ 3-го класса во второй и что, въ свою очередь, учитель 3-го и всѣхъ вообще

---

[1]) Отъ 26-го февраля 1846 г. за № 339.

[2]) Отъ 12-го апрѣля 1849 г. за № 371.

[3]) Отъ 26-го апрѣля 1848 г. за № 615.

классовъ, не всегда имѣлъ возможность задерживать, при переводѣ, слабыхъ учениковъ, по причинамъ, зависящимъ отъ бывшаго здѣсь до послѣдняго времени устройства гимназій съ незамкнутымъ курсомъ, и ежеполугоднымъ пріемомъ и переводомъ учениковъ, какъ это будетъ изложено ниже, на своемъ мѣстѣ.

Итакъ, дополнительные классы далеко не замѣнили предложенные Государемъ «новые классы русскаго языка», которые одни только и заслуживали названіе параллельныхъ, но и ту долю пользы, которой еще можно было ожидать отъ нихъ, они не вполнѣ приносили, во первыхъ потому, что открыты не при всѣхъ классахъ, а лишь при трехъ низшихъ, и во вторыхъ потому, что при самомъ своемъ предначертаніи не были принаровлены къ здѣшнимъ обстоятельствамъ. Именно, при существовавшемъ въ остзейскомъ краѣ до 1860 года пятиклассномъ устройствѣ гимназій, курсъ каждаго класса, хотя полагался по уставу годичный, но лишь рѣдкіе ученики совершали его въ этотъ срокъ; обыкновенно же сидѣли въ классѣ полтора, два года и болѣе; при этомъ однакожъ курсъ оставался незамкнутымъ, то есть новые ученики поступали въ классъ и переводимы были изъ нижеслѣдующаго не одинъ разъ въ годъ, а чрезъ каждые полгода. Вслѣдствіе того, классъ, состоящій собственно изъ четырехъ и болѣе разнородныхъ элементовъ, дѣлился на два отдѣленія — старшее и младшее (напр. во 2-мъ классѣ, Ober- und Untersecunda); изъ младшаго отдѣленія никто не былъ переводимъ въ слѣдующій классъ, помимо старшаго отдѣленія, для котораго первое было въ собственномъ смыслѣ приготовительнымъ. Слѣдовательно, открытіе дополнительныхъ русскихъ классовъ не внесло въ то время никакого новаго элемента въ прежнее устройство, не сдѣлало въ немъ существенной перемѣны, какую министръ, вѣроятно, предполагалъ, имѣя въ виду замкнутый курсъ, какъ въ русскихъ гимназіяхъ или теперь и въ здѣшнихъ. Прибавился теперь только одинъ русскій учитель, и тотъ не могъ приносить всей своей пользы, лишенный почти всякаго авторитета и вліянія на передвиженіе учениковъ, такъ какъ они сами собою переходили въ старшее отдѣленіе, подвигаемые впередъ новоприбывающими чрезъ каждые полгода, и по необходимости наполненія мѣстъ въ старшемъ отдѣленіи, опоражниваемыхъ тѣми, которые переводились въ высшій классъ. Прошло почти 20 лѣтъ со времени учрежденія дополнительныхъ классовъ, пока убѣдились въ скудости приносимой ими пользы и дали имъ значеніе истинно параллельныхъ

или «новыхъ классовъ», каковые Государь и имѣлъ въ виду [1]), назначая на нихъ средства изъ государственнаго казначейства. Цѣль учрежденія, конечно, и теперь невполнѣ достигалась, отъ того, что параллельные классы по прежнему были только въ трехъ низшихъ классахъ и чрезъ то явилась та педагогическая несообразность, что двое параллельныхъ учителей преподавали въ низшихъ классахъ теорію языка и посылали своихъ учениковъ къ учителю высшихъ классовъ, который теоріи не преподавалъ, а занималъ учениковъ своихъ исключительно практикою, тогда какъ при научномъ способѣ преподаванія, единственно возможномъ въ гимназіи, теорія должна служить основаніемъ, требующимъ отъ учителя именно высшаго образованія уже потому, что научная разработка русскаго языка только что начинается. Впрочемъ, и этимъ, лишь при трехъ низшихъ классахъ учрежденнымъ параллельнымъ классамъ, по возвращеніи имъ достодолжнаго значенія, не дали долго просуществовать и принести свою пользу. Въ 1860 году, по случаю преобразованія остзейскихъ гимназій изъ пятикласныхъ въ семиклассныя, попечительскій совѣтъ рѣшилъ [2]), «что при настоящемъ положеніи преподаванія русскаго языка, мѣсто 2-го учителя русскаго языка можетъ быть упразднено и замѣнено мѣстомъ (младшаго) учителя наукъ»....

Такъ тихо закрыто было попечительскимъ совѣтомъ, послѣ двадцатилѣтняго прозябанія въ искаженномъ видѣ, стоившее и теперь, даже по своемъ упраздненіи, стоящее еще значительныхъ суммъ учрежденіе, на которое Императоръ Николай, открывая его, столь великія полагалъ надежды. «Быть по сему: я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступить въ учители русскаго языка, въ самомъ краѣ, ибо отличный духъ ихъ мнѣ давно извѣстенъ».... [3]).

IV.

Приведеніе въ дѣйствіе указа отъ 19-го декабря 1836 года о возвышеніи требованій по предмету русскаго языка. — Министръ указываетъ новыя средства, необходимыя для ихъ выполненія. — Выполнители предначертаній правитель-

---

[1]) Указъ 15-го декабря 1839 г.

[2]) Отъ 28-го сентября 1860 г. за № 1608.

[3]) Указъ 15-го декабря 1839 года.

ства не восхотѣли воспользоваться указанными министромъ новыми средствами и замѣнили ихъ другими, призрачными. — Распоряженіе попечителя о преподаваніи учителями изъ остзейскихъ уроженцевъ, опредѣлившимися послѣ 16-го декабря 1839 года, одного изъ сихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, по одному уроку въ недѣлю. — Участь этой мѣры общая со всѣми ей подобными. — Понудительное средство, состоящее въ требованіи по русскому языку № 4 отъ учениковъ, переводимыхъ изъ одного класса въ другой, теряетъ значительную часть своей силы въ примѣненіи къ здѣшнимъ порядкамъ. Неудобное распоряженіе преподаванія, употреблявшагося въ рижской гимназіи до 1861 года и донынѣ еще употребляющагося въ тамошней реальной гимназіи и въ другихъ училищахъ. — Второе, предписанное министромъ, понудительное средство къ успѣхамъ въ русскомъ языкѣ, состоящее въ требованіи № 1 отъ оканчивающихъ курсъ гимназіи съ аттестатомъ. — Средства къ удовлетворенію министерскимъ требованіямъ по русскому языку не приводятся въ исполненіе, не взирая на неоднократныя о томъ представленія русскихъ учителей.

Наконецъ, наступилъ второй и послѣдній срокъ исполненію требованій правительства, заявленныхъ еще девять лѣтъ тому назадъ, 19-го декабря 1836 года, относительно познаній въ русскомъ языкѣ вступающихъ въ дерптскій университетъ и выпускаемыхъ изъ него по окончаніи курса. Тогда министръ народнаго просвѣщенія, сообщая разныя, клонящіяся къ исполненію Высочайшей воли распоряженія, для исполненія ихъ по университету [1]), предписалъ также относительно гимназій и уѣздныхъ училищъ слѣдующее [2]): 1) Въ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ это окажется возможнымъ, и въ гимназіяхъ, при переводѣ учениковъ изъ одного класса въ другой, требовать по предмету русскаго языка отмѣтку 4, которая по уставу классныхъ экзаменовъ, означаетъ полное, основательное и твердое знаніе. 2) Для полученія аттестата за успѣхи въ русскомъ языкѣ и за особенное письменное сочиненіе установить № 1. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ поручилъ попечителю сдѣлать ему представленіе объ умноженіи числа уроковъ русскаго языка въ гимназіи, въ домскомъ и въ двухъ уѣздныхъ рижскихъ училищахъ, на счетъ предметовъ, для которыхъ наиболѣе назначено уроковъ. Въ слѣдствіе того, попечитель сдѣлалъ запросъ директорамъ гимназій: какимъ образомъ можно увеличить число уроковъ русскаго языка въ вышепоименованныхъ училищахъ, и какіе учебные предметы могутъ быть преподаваемы на русскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на это рижскій

---

[1]) Rigasche Zeitung № 277. 1845 года.

[2]) Отъ 17-го іюля 1845 года № 938.

губернскій директоръ донесъ попечителю [1]), что на конференціи въ гимназіи учители объявили себя не въ состояніи преподавать своихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, кромѣ старшаго русскаго учителя, который вызвался обучать всеобщей географіи на русскомъ языкѣ (2 урока въ недѣлю во 2-мъ классѣ). Директоръ предложилъ попечителю отклонить этотъ вызовъ по многимъ (не означено: по какимъ) причинамъ. Увеличить число русскихъ уроковъ на счетъ какого-либо другаго учебнаго предмета конференція признала неудобнымъ, а предлагаетъ назначить три урока, по одному для каждаго изъ трехъ высшихъ классовъ, но внѣ курса, именно въ среду и субботу отъ полудня до часу.

Попечитель, сообщая директору [2]) объ окончательномъ рѣшеніи имъ этого дѣла, говоритъ: «Взвѣсивъ донесенія ваше и другихъ директоровъ, я пришолъ къ убѣжденію, что при настоящемъ, уже и безъ того не незначительномъ числѣ русскихъ уроковъ, трудно увеличить еще число ихъ, такъ-какъ ученикамъ надобно же заниматься и другими учебными предметами. Не будучи въ состояніи рѣшиться на умноженіе уроковъ собственно русскаго языка, я считаю благовременнымъ усиливать познанія учениковъ въ русскомъ языкѣ и особенно ихъ упражненіе въ устной рѣчи посредствомъ тѣхъ учителей, которые, предъ вступленіемъ въ должность, должны были доказать такое знаніе русскаго языка, что могутъ преподавать на немъ свой предметъ, безъ чего, на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 16-го декабря 1839 года никто изъ уроженцевъ остзейскихъ губерній не можетъ быть опредѣленъ на мѣсто учителя. Такъ-какъ къ числу таковыхъ учителей принадлежитъ во второмъ уѣздномъ училищѣ учитель наукъ Мейеръ, то прошу ваше высокоблагородіе сдѣлать распоряженіе, чтобы упомянутый учитель, начиная съ слѣдующаго полугодія, обучалъ на русскомъ языкѣ одному изъ преподаваемыхъ имъ предметовъ (кромѣ богословія) по одному уроку въ недѣлю и при этомъ особенно имѣлъ бы въ виду, посредствомъ вопросовъ и истолкованій упражнять учениковъ въ говореніи. Выборъ предмета и класса я предоставляю учителю. При началѣ преподаванія въ слѣдующемъ полугодіи, вы не оставите увѣдомить меня о томъ, какимъ образомъ мѣра эта приведена въ исполненіе, а къ концу полугодія о томъ, какой она имѣла успѣхъ.»

---

[1]) Отъ 24-го августа 1845 года № 699.

[2]) Отъ 24-го августа 1845 года № 699.

Директоръ донесъ [1]) въ свое время попечителю о томъ, что учитель втораго уѣзднаго училиша Мейеръ началъ преподавать геометрію въ нисшемъ, или третьемъ классѣ, по одному уроку въ недѣлю. Кромѣ того, при актахъ хранится донесеніе инспектора втораго уѣзднаго училища директору гимназіи [2]) о томъ, что добросовѣстныя старанія Мейера остались безъ особеннаго успѣха и что онъ не надѣется на какой-либо успѣхъ и въ послѣдствіи. Черезъ два года попечитель предписалъ [3]) директору, что мѣра, принятая въ 1846 году относительно преподаванія учителемъ Мейеромъ одного изъ его предметовъ по одному уроку въ недѣлю на русскомъ языкѣ, не должна ограничиваться имъ однимъ, но должна быть общая и распространена равно на всѣхъ тѣхъ учителей изъ остзейскихъ уроженцевъ, которые опредѣлились на свои мѣста послѣ 16-го декабря 1839 года. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла въ архивѣ гимназіи никакихъ актовъ не имѣется; но составителю этой записки извѣстенъ еще одинъ примѣръ преподаванія въ рижской гимназіи греческаго языка по одному часу въ недѣлю греческимъ учителемъ изъ русскихъ, который былъ, впрочемъ, не столько русскій по отцу, сколько нѣмецъ по матери; потому, результаты его преподаванія угадать не трудно, если къ тому принять еще въ соображеніе, что для людей извѣстнаго образа мыслей важно было уронить эту мѣру, и саму по себѣ дѣйствительно весьма странную. Послѣ того опредѣлились учителями въ гимназію три человѣка изъ здѣшнихъ уроженцевъ, для которыхъ должно бы быть обязательнымъ это попечительское предписаніе; но оно по видимому предано полному забвенію во всемъ округѣ.

Составителю этой записки не удалось отыскать упоминаемаго попечителемъ указа отъ 16-го декабря 1839 года и узнать, какіе именно были поводы къ его изданію.

Но замѣчательна общая судьба правительственныхъ мѣръ, относительно распространенія русскаго языка въ остзейскомъ краю: имъ давали произвести вполнѣ все неблагопріятное для русскаго народа и правительства дѣйствіе, какое онѣ только въ самомъ худшемъ случаѣ могли произвести при своемъ выполненіи, а между тѣмъ мѣры эти не были допущены до дѣйствительнаго выполненія,

[1]) Отъ 16-го января 1846 года.

[2]) Отъ 5-го іюля 1846 года.

[3]) Отъ 4-го іюля 1847 года № 1087.

котораго послѣдствія, навсегда благодѣтельныя для общаго отечества, уравновѣшивали бы временныя и мѣстныя огорченія.

Предписанное министромъ требованіе по предмету русскаго языка отмѣтки № 4 (высшимъ нумеромъ полагается № 5) отъ переводимыхъ изъ одного класса въ другой было бы, конечно, важнымъ понудительнымъ средствомъ къ успѣхамъ въ этомъ языкѣ, если бы тогда здѣсь классные курсы были замкнутые. Но какъ здѣсь до 1861 года, при номинально одногодномъ курсѣ, ученики были переводимы (и новые принимаемы) черезъ каждые полгода, или два раза въ годъ, а пересаживаемы каждую четверть года, или четыре раза въ годъ, и эта пересадка разсчитывается по общему числу нумеровъ изъ всѣхъ предметовъ; то учители другихъ предметовъ имѣли въ этомъ вѣрное средство вынуждать у русскаго учителя № 4 ученикамъ, собственно этого нумера не заслуживающимъ. Сколь ни малый пересадочный нумеръ у русскаго учителя получаетъ такой ученикъ, но награждаемый щедрыми нумерами по другимъ учебнымъ предметамъ, онъ все подвигается понемногу впередъ и подползаетъ таки наконецъ къ первымъ скамейкамъ, на которыхъ уже русскій учитель не можетъ задерживать его слишкомъ долго; потому что, если не пуститъ его, послѣ двухъ годичнаго сидѣнія въ классѣ, въ слѣдующій высшій, то онъ долженъ быть исключенъ изъ гимназіи съ первыхъ лавокъ, т. е. какъ отличный ученикъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ русскаго языка, который такимъ образомъ выставляется ненавистною преградою для нѣмецкаго юношества, въ его стремленіи къ высшему образованію; русскаго учителя проклинаютъ, бывало, какъ тирана, какъ *политическаго фанатика*, объ ученикѣ же всѣ сожалѣютъ, какъ объ жертвѣ русскаго насилія. Даже учениковъ завѣдомо слабыхъ и по другимъ предметамъ (кромѣ русскаго) нѣкоторые учители инородцы тянутъ, бывало, вверхъ еще съ бо́льшимъ усердіемъ, нежели даровитыхъ, о которыхъ менѣе заботятся, зная, что таковые сами достигнутъ того, что имъ слѣдуетъ. Бывало даже такъ, что иному засидѣлому бездарному ученику, не успѣвъ напередъ переговорить между собою объ немъ, учители надаютъ низкихъ нумеровъ, но какъ скоро замѣтятъ, что вышелъ такой неблагопріятный результатъ, и что русскій учитель также не далъ переводнаго нумера, они преспокойно, одинъ за другимъ отказываясь отъ своихъ отмѣтокъ, даютъ такому ученику свои голоса на переводъ, чтобы въ случаѣ несогласія съ ними русскаго учителя, взвалить на него одного всю вину исключенія уче-

ника изъ гимназіи и уронить въ глазахъ публики принципъ, поддерживаемый русскимъ учителемъ, хотя бы не имѣли повода не любить собственно его личности. Кажется, тамъ вовсе не видѣли въ томъ грѣха — пропускать людей не даровитыхъ на путь къ высшимъ должностямъ, и чистосердечно убѣждены были, что какъ бы ни былъ тупоуменъ инородецъ, онъ все-таки во всякой должности достойнѣе даровитаго русскаго. Судя по этому, можно было ожидать, что рѣдкій изъ русскихъ учителей захочетъ настойчиво держаться того понудительнаго средства, (переводнаго № 4), выносить общую вражду товарищей, видѣть ненависть къ себѣ учениковъ и слыть пугаломъ цѣлаго города. Да если бы кто-нибудь изъ нихъ и отважился на всѣ эти муки, онъ все же не могъ бы удовлетворить министерскимъ требованіямъ, для выполненія которыхъ необходимо было привесть въ дѣйствіе и указанныя министромъ средства, именно увеличеніе числа русскихъ уроковъ, и преподаваніе одного изъ курсовыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ; этого же вѣдь ничего не сдѣлано. Если же русскій учитель, не смотря ни на что, сталъ бы упорно отказывать въ переводномъ № 4 всякому ученику, не заслуживающему его вполнѣ, то онъ остановилъ бы тѣмъ весь ходъ гимназіи; тогда нарядили бы надъ нимъ слѣдствіе, конечно не формальное, но тѣмъ то именно для него и страшное, потому что онъ былъ бы лишонъ средства явно защищать себя; а лицамъ, надъ нимъ властнымъ, ничего не будетъ стоить, приписать всю бѣду его неискусству въ своемъ дѣлѣ, или недостатку усердія къ службѣ. Крайнее неудобство ежеполугодныхъ пріемовъ и переводовъ учениковъ при годичномъ курсѣ особенно тягостно было для русскихъ учителей, потому что на нихъ сыпались ревизіи и взысканія, между тѣмъ какъ для прочихъ какъ бы вовсе и не существовало начальства; но они напрасно возставали на конференціи противъ этого безобразнаго порядка вещей, ссылаясь на ясныя указанія педагогіи и на выводы, сдѣланные изъ многолѣтнихъ опытовъ. Ихъ предложеніямъ не давали никакого ходу, по глубокому, хотя и затаенному, пренебреженію ко всему русскому и изъ опасенія сблизиться съ порядками, существующими внутри государства. «Намъ, говорятъ тамъ нѣкоторые, не обинуясь, необходимо всячески держаться подалѣе отъ общаго теченія (т. е. отъ русскихъ порядковъ), потому что кто можетъ поручиться, что, приблизившись къ главной струѣ рѣки, мы сохранимъ свою историческую отдѣльность, а не будемъ вовлечены въ общій водоворотъ,

гдѣ ожидаетъ насъ смѣшеніе съ чуждыми намъ и низшими насъ элементами.» Это высказано и печатно, уже по введеніи семикласснаго устройства гимназіи съ годичнымъ курсомъ, и таковымъ же пріемомъ и переводомъ учениковъ въ 1861 году [1]). «Опасались, не имѣютъ ли въ виду (при введеніи семикласснаго устройства гимназіи) радикальнаго уравненія, для общихъ пользъ, и не будетъ ли чрезъ то нанесенъ ущербъ историческому характеру и слѣдовательно историческимъ нравамъ гимназіи, или нѣмецкаго гуманистическаго средняго училища... Гуманистическая гимназія есть учрежденіе преимущественно германское и лишь у нѣмцевъ существуетъ въ обширномъ значеніи этого слова. Гимназіями, т. е. христіански-гуманистическими учеными школами могутъ быть названы собственно лишь нѣмецкія среднія училища, только они одни вполнѣ осуществляютъ собою понятіе гимназіи. Съ германскими гимназіями однородны и гимназіи нашего (дерптскаго) учебнаго округа, которыя мы неиначе должны называть, какъ нѣмецкими, потому что названіе гимназіи въ другихъ частяхъ государства дано такимъ училищамъ, которыя собственно вовсе не гимназіи, потому что имѣютъ реальное направленіе».

Но въ этихъ-то «христіански-гуманистическихъ ученыхъ школахъ» до самаго 1860 года велся порядокъ дѣлъ, полный всевозможныхъ несообразностей. Ученики старшаго отдѣленія (сидѣвшіе въ классѣ больше года) скучали въ то время, когда младшимъ преподаваемы были начала науки и, разумѣется, предавались разнымъ шалостямъ; оттого въ Россіи едва-ли гдѣ слыхано про дисциплинарныя трудности, подобныя здѣшнимъ. Или же учитель долженъ былъ занимать старшихъ учениковъ высшими (въ сравненіи съ младшимъ отдѣленіемъ) частями наукъ, въ обоихъ случаяхъ вести раздвоенное преподаваніе, невыгоды котораго извѣстны. Довольно дурно уже и то одно, что около половины учениковъ привыкаютъ къ невнимательности въ классѣ, когда учитель объясняетъ что-нибудь до нихъ не касающееся; послѣ они будутъ невнимательны также къ тому, что до нихъ и касается. Дружность обученія— дѣло первой важности: тутъ и слабый не отстаетъ отъ сильнаго, по пословицѣ: на людяхъ и смерть красна. Кромѣ того, здѣсь бездарные ученики долго закрываютъ — бывало, собою даровитыхъ и

---

[1]) Zur Verständigung ueber die Reorganisation der Gymnasien in den Ostseeprovinzen und das neu eingeführte Siebenclassensystem. Mitau 1861. стр. 7.

даже косвеннымъ образомъ вытѣсняютъ ихъ, потому что послѣдніе отличаются обыкновенно нѣкоторою живостью, а потому нетерпѣливы, и не видя скорой возможности пробиться кверху сквозь толстые слои своихъ предшественниковъ, предаются шалостямъ, и или на довольно долгое время дѣлаются дурными учениками или совсѣмъ зашаливаются, залѣниваются, оставляютъ училище, — не отъ того-ли у насъ даровитый ученикъ такая рѣдкость! Классъ, бывало, состоитъ у насъ изъ четырехъ или пяти элементовъ: тутъ есть ученики, напросившіеся на 5-й семестръ, другіе сидятъ четвертый семестръ, третьи третій, четвертые второй и наконецъ вновь поступившіе; какъ это видно изъ наличнаго состава любаго класса гимназіи; напр. хоть 5-го въ продолженіи трехъ семестровъ 1859 — 1861 годовъ.

Годъ.	Семестры.	Число учениковъ въ классѣ.	Въ общемъ числѣ — сидящихъ въ классѣ.				
			Первый семестръ.	Два семестра.	Три семестра.	Четыре семестра.	Пять семестровъ.
1859	1-й семестръ	41	13	20	3	5	»
	2-й семестръ	37	9	9	16	2	1
1860	1-й семестръ	35	8	7	6	12	2

Конечно, первое право на переводъ въ высшій классъ имѣютъ пятисеместральные, потому что на 6-й семестръ ихъ оставить ужъ нельзя, выключить — дѣло также щекотливое, потому что конференція, просивши за нихъ попечителя объ оставленіи ихъ въ классѣ на 5-й семестръ (установлено сидѣть въ классѣ неболѣе четырехъ семестровъ), тѣмъ самымъ какъ бы ручалась за ихъ переводъ черезъ полгода; да и жаль, что человѣкъ потерялъ еще полгода жизни, развѣ это будетъ ужъ отъявленный шалунъ или лѣнивецъ. Такимъ образомъ, самая безнадежная посредственность первая ползетъ, бывало, въ высшій классъ, потому что осадокъ бездарностей не опадаетъ на дно класса, чтобы быть изъ него извергнутымъ, а всплываетъ на его поверхность: удивительно-ли,

если требовались непомѣрныя усилія, чтобы шевелить эту косную громаду тупыхъ умовъ, и при недавнемъ преобразованіи здѣшнихъ гимназій (1861), изъ 220 недѣльнихъ уроковъ по всѣмъ одиннадцати учебнымъ предметамъ въ семи классахъ гимназіи для одного латинскаго языка откроили 50 уроковъ, т. е. чуть не цѣлую четверть. Придвигались же такіе ученики къ первымъ скамейкамъ почти насильно и непремѣнно, если только не были нарочито лѣнивы или шаловливы, за что осаживались въ видѣ наказанія. Если въ классѣ напр. 40 человѣкъ, и десять изъ нихъ переводятся съ первыхъ скамеекъ въ высшій классъ, то ихъ мѣста сами собою занимаютъ ученики съ третьей и четвертой скамеекъ и т. д. совершается это заслуженное сидѣньемъ послѣдовательное передвиженіе цѣлыхъ рядовъ. Этимъ же объясняется, на первый взглядъ кажущееся совершенно неразумнымъ, то явленіе, что полуполугодичныя отмѣтки не опредѣляютъ еще мѣста ученику, и сидѣвшій одно полугодіе не можетъ быть посаженъ выше сидѣвшаго два полугодія, хотя бы имѣлъ полуполугодичную отмѣтку лучше его, потому что, слушавъ лишь одну часть науки, имѣетъ менѣе знаній, чѣмъ слушавшій обѣ части науки, преподаваемой два полугодія сряду. Значитъ, ученикъ долженъ былъ заботиться только о томъ, чтобы за какія-либо экстренности не провалиться сквозь нижеслѣдующія поколѣнія, которыя, такъ сказать, ужъ вынесутъ его на своихъ плечахъ на первую скамейку, а съ тѣмъ вмѣстѣ на шею русскому учителю. Извѣстна схоластическая поговорка о переводѣ учениковъ за лѣта, ростъ и засидѣлость: propter annos, barbam et staturam.

Подтвержденіемъ вышеизложенныхъ выводовъ можетъ служить слѣдующее извлеченіе изъ классснаго журнала о задаваніи уроковъ въ продолженіи 6-ти полугодій сряду 1857—1860 года. Замѣтить должно, что учитель весьма усердный къ своему дѣлу, давно служащій и опытный, предметъ — латинскій языкъ, учебная обработка котораго доведена до наивысшаго совершенства.

Общій обзоръ уроковъ.

Годъ.	Семестры.	Изученіе правилъ.			Упражненія.			Общее число уроковъ.
		Общее число уроковъ.	Новыхъ.	Повтор.	Общее число уроковъ.	Новыхъ.	Повтор.	
1857	2-й семестръ . . .	53	38	15	19	19	0	72
1858	1-й семестръ . . .	65	41	24	19	13	6	84
1858	2-й семестръ . . .	45	34	11	21	9	12	66
1859	1-й семестръ . . .	57	26	31	30	11	19	87
1859	2-й семестръ . . .	41	31	10	24	19	5	65
1860	1-й семестръ . . .	40	27	13	22	10	12	62

2-й семестръ 1857 года. Этимологія, до уклоняющихся глаголовъ, пройдена въ четыре мѣсяца съ очевидною торопливостію: при пяти урокахъ въ недѣлю—въ полугодіе (во второе полугодіе 1857 года) было всего 72 урока; изъ этого числа для упражненія въ устномъ переводѣ съ латинскаго языка на нѣмецкій и обратно (по Элендту) употреблено 19 уроковъ. Въ остальные 53 урока пройдено 124 параграфа, отъ 36 до 159 включительно, страницъ всего 94; слѣдовательно, за вычетомъ изъ пятидесяти трехъ уроковъ пятнадцати, употребленныхъ на повтореніе, на каждый изъ прочихъ тридцати восьми уроковъ придется по $2^1/_3$ страницы, или почти $3^1/_4$ параграфа. Выводъ этотъ однакоже былъ-бы невѣренъ, потому что нѣкоторые параграфы (ради ихъ спеціальности, напр. о грецизмахъ и проч.) были при преподаваніи выпускаемы; это были слѣдующіе: §§ 42, 43, 52, 54, 56—60, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 86—99, 107, 108, 110, 111, 113, 114, 116, 121, 134, 141 (= 42). Кромѣ того, нѣкоторые параграфы въ самой книгѣ (Цумпта) неизвѣстно почему вовсе не значатся,—это слѣдующіе: §§ 38, 81, 118, 124, 127, 128, 129, 143, 144, 145, 146 (= 10) Значитъ, всего выпущенныхъ пара-

графовъ пятьдесятъ два, затѣмъ заучонными остается собственно 72 параграфа; слѣдовательно, истинное отношеніе числа параграфовъ къ числу уроковъ 72: 38, то есть на каждый урокъ по $1^{17}/_{19}$, или почти по два параграфа. Но какъ параграфы могутъ быть различнаго объема, то по числу ихъ нельзя еще заключать о величинѣ уроковъ; для этого нужно знать отношеніе этихъ послѣднихъ къ числу страницъ учебника. По точномъ вычисленіи въ пропущенныхъ учителемъ 42-хъ параграфахъ, оказалось всего $22^1/_2$ страницы, которыя и слѣдуетъ вычесть изъ 92-хъ общаго числа пройденныхъ страницъ; остатокъ $71^1/_2$ страницъ пройдено въ 38 новыхъ уроковъ, что составляетъ почти $1^2/_3$ стран. на каждый урокъ. Хотя въ нѣкоторыхъ изъ заучиваемыхъ параграфовъ отдѣльныя мѣста были, вѣроятно, выпускаемы, но за всѣмъ тѣмъ вышеупомянутый выводъ показываетъ, что уроки были весьма отяготительны, если принять въ соображеніе: 1) новость предмета для ученика (отъ поступающихъ въ этотъ классъ требовалось по предмету латинскаго языка только умѣнье читать и писать); 2) трудность латинскаго языка вообще; 3) одновременное начинаніе другаго труднаго же языка, именно русскаго. Вѣрность этого вывода подтверждается напр. слѣдующими фактами: на 4-й урокъ заданы падежныя окончанія всѣхъ пяти склоненій (93 окончанія на перечотъ); 2-е склоненіе въ два урока, изъ которыхъ въ первомъ есть между прочимъ правило о бѣглой буквѣ *e* въ словахъ на *er*, которыхъ приведено 19 въ стихахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Doch *niger* schwarz wirft ab das *e*,
Denn es stammt nicht von *gerere* [1]).

---

[1]) О педагогической несообразности такого рода задаванія уроковъ такъ говорится у Шварца-Куртмана: (ч. II § 26). «Съ ясностію преподаванія необходимо связана и его *постепенность*, потому что естественный ходъ развитія молодаго человѣка не терпитъ никакихъ пропусковъ или скачковъ. Если новое понятіе не выводится изъ предшествовавшихъ ему, то не смотря ни на какія усилія со стороны учителя и ученика, оно остается неяснымъ. Это прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду уже при самомъ распредѣленіи предметовъ преподаванія. Кромѣ того, учитель долженъ стараться представить себя въ положеніи учащагося, чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, предлежащія ему трудности: потому что дитя находится въ совершенно иномъ положеніи, сравнительно съ образованнымъ человѣкомъ. Въ большей части сужденій есть условія *умалчиваемыя*, какъ сами по себѣ подразумѣвающіяся, но это только относительно взрослыхъ людей; дѣтямъ же учитель долженъ ихъ сообщить.... Чего, чего не зубрятъ у насъ на память! Чего не затверживаютъ на вѣру, не заботясь объ основательномъ уразумѣніи! Особенно при обученіи малыхъ дѣ-

Къ 14-му уроку запомнить въ стихахъ (слѣдовательно въ извѣстномъ порядкѣ) 37 словъ мужскаго рода и 26 словъ женскаго рода, всего 63 слова. Къ 24-му уроку—о прилагательныхъ (до степеней сравненія), гдѣ, кромѣ обычныхъ теоретическихъ трудностей, 46 новыхъ словъ должны быть заучены съ ихъ значеніями. Къ 30-му уроку о числительныхъ (вообще и о количественныхъ въ подробности),—двѣ съ половиною страницы (по книгѣ 48 чиселъ съ ихъ римскими изображеніями). Къ 32 уроку заданы были § 119 numeralia distributiva и § 122 die adverbia numeralia, всего около 2½ страницъ, со множествомъ численныхъ названій. Что урокъ этотъ, по своей трудности, не могъ быть удовлетворительно приготовленъ, доказательствомъ служитъ то, что онъ былъ задаваемъ еще два раза сряду: къ 27-му сентября и вслѣдъ за тѣмъ ко 2-му октября. Мѣстоименія—4½ страницы пройдены въ два урока. Чтобы понять совершенную невозможность для 9—10 лѣтняго ребенка приготовить такіе уроки, надобно принять въ соображеніе особенный способъ изложенія, свойственный почти всѣмъ нѣмецкимъ учебникамъ, напр. «Auszug aus Zumpt's Latein. Gram. 7 Aufl. S. 80). Ausser diesen giebt es noch eine Anzahl Wörter, welche in so fern Adjectiva sind, weil sie drei Formen für die drei Geschlechte haben, und weil man bei ihrem Gebrauche ein Substantivum ergänzen muss. Sie haben aber theils in der Formation so viel Abweichendes von den gewöhnlich sogenannten Adjectiven und werden so häufig ohne Hinzufügung eines Substantivi für ein Substantivum gebraucht, dass man sie nicht mit Unrecht auch pronomina nennt». Нелегко и взрослому человѣку уловить памятью сущность дѣла, изложеннаго съ такимъ ученымъ празднословіемъ. Это, по крайней мѣрѣ, хоть понять можно, а напр. на слѣдующей страницѣ (81): «Relativ wer von beiden ist ebenfalls *uter* und verallgemeinert utercunque wer won beiden immer». Но встрѣчаются еще рѣчи и позамысловатѣе этого, какъ напр. почти вслѣдъ затѣмъ: «Die Fra-

---

тей первымъ основаніямъ, гдѣ главное дѣло въ основныхъ понятіяхъ—весьма нужно заботиться объ ясности. Тутъ слѣдуетъ выбирать предметы весьма обдуманно и разсчетливо и подвигаться впередъ неиначе, какъ напередъ увѣрившись, что сообщенныя ученикамъ умопредставленія ясно ими усвоены. Подолже останавливавшись, при обученіи, на первыхъ основаніяхъ,—никогда въ томъ не раскаешься, но при этомъ должно исподоволь приготовлять познавательную способность къ ряду новыхъ умопредставленій... Сколь многія устарѣлыя формулы и опредѣленія заставляютъ у насъ выучивать наизусть, не заботясь объ ихъ вразумительности; и съ такими неясными понятіями проходятъ иногда весь курсъ науки».

geform mit *qu* anfangend, fällt mit den relativen zusammen, das indefinitum wird durch Vorsetzung von *ali* gebildet, das demonstrativum fängt mit dem Buchstaben *t* an, und wird zum Theil durch Anhängung von *dem* verstärkt» [1]).

Къ 39-му уроку §§ 142, 147. Опредѣленіе и раздѣленіе глагола по залогамъ и § 156, полное спряженіе глагола *sum*.

Спряженія задаваемы были по цѣлому спряженію на одинъ урокъ и притомъ, какъ дѣйствительный, такъ и страдательный залоги вмѣстѣ, что составляетъ почти двѣ страницы, наполненныя совершенно новыми для ученика формами и звуками, которые онъ слышитъ въ первый разъ въ жизни. Что касается повтореній, то хотя число уроковъ на это употребленныхъ, именно 19, нельзя собственно назвать недостаточнымъ, по сравненію съ общимъ числомъ уроковъ, именно 53, потому что здѣсь отношеніе повторительныхъ уроковъ къ новымъ выразится какъ 1: $2^{15}/_{19}$; но поспѣшность преподаванія вообще неблагопріятно подѣйствовала и на это отношеніе. Именно первый повторительный урокъ былъ 19-й (слѣдовательно 18 уроковъ сряду, то есть около четырехъ недѣль, ученики шли впередъ, не оглядываясь). Затѣмъ, слѣдовало еще два повторительныхъ урока: въ первый урокъ задано повторить парадигмы всѣхъ пяти склоненій, въ 3-й урокъ правила въ стихахъ 3, 4 и 5-го склоненій. Это неиначе должно назвать, какъ торопливымъ повтореніемъ торопливо пройденнаго. Послѣ того сряду двадцать одинъ новый урокъ, и потомъ сряду одиннадцать уроковъ повторительныхъ, и между тѣмъ какъ въ первой половинѣ семестра повторительные уроки слишкомъ обширны (напр. вдругъ всѣ пять склоненій), теперь повторительные уроки объемомъ даже менѣе новыхъ, напр. письменное повтореніе одного спряженія, иногда даже лишь въ одномъ залогѣ.

Наконецъ, относительно упражненій въ переводѣ можно замѣтить ту же несоразмѣрность. Въ первомъ практическомъ урокѣ (послѣ 19-ти же теоретическихъ) девятнадцать строкъ перевода съ латинскаго языка на нѣмецкій и 11 строкъ съ нѣмецкаго на латинскій, всего 30 строкъ, а во второмъ урокѣ даже 37 строкъ. Надобно сообразить, что почти всѣ до одного слова для ученика незнакомы; онъ долженъ ихъ пріискать (на что непривычному требуется много

---

[1]) Примѣровъ такого способа изложенія нѣсть числа, укажу пожалуй еще на § 142, 150.

времени), вписать въ тетрадь слова и выучить. Въ каждомъ предложеніи есть прилагательныя и глаголъ *sum* во всѣхъ трехъ временахъ и мѣстоименія,—а всего этого ученикъ еще не проходилъ.

Первый семестръ 1858 года. Въ этотъ семестръ латинскихъ уроковъ было 84, слѣдовательно 12-ю уроками болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ; но собственно на прохожденіе этимологіи употреблено почти столько же, именно 41 урокъ, (въ прежнемъ семестрѣ 38), потому что часть нѣкоторыхъ изъ новыхъ уроковъ употреблялась также на повтореніе. Слѣдовательно, и въ этомъ семестрѣ этимологія пройдена совершенно съ такою же самою быстротою, какъ и въ прежнемъ, и уроки для новыхъ учениковъ долженствовали быть столь же обременительны, или даже неодолимы. Это видно изъ способа повторенія, какъ съ второсеместральными, которымъ сряду 6 разъ задаваемо было повторить первое спряженіе, такъ и съ новичками (первосеместральными), которымъ нѣкоторые уроки задавались также раза по три и болѣе сряду, напр. урокъ 19-й § 66 (родит. множ. на ium) урокъ 20-й §§ 66, 68, 69 (это было также въ урокѣ 14), урокъ 22-й §§ 66 (въ 3-й разъ) 68, 69, урокъ 23-й §§ 66 (въ 4-й разъ) 68, 69. Подобно тому и склоненія—прилагательныхъ заданы были (всѣ) на урокъ 38-й, и потомъ заданы на повтореніе въ уроки 40, 43, 44, т. е. 4 раза сряду. Степени сравненія заданы отчасти на урокъ 44, повторены отчасти въ 46 урокѣ, вполнѣ въ 47 и опять отчасти въ 49-мъ. Опредѣленіе и склоненіе всѣхъ мѣстоименій задано на одинъ урокъ (60-й), а въ слѣдующій урокѣ уже стало нужно повторить ихъ всѣ вдругъ же.

Конечно, чего ученикъ за разъ не выучилъ, того за разъ и не повторитъ (лучше раздѣлить задачу на два раза вновь, нежели за одинъ разъ плохо выучить, и въ другой разъ повторить).

Итакъ, для первосеместральныхъ теорія была такъ-же трудна, какова она была въ свое время и для второсеместральныхъ, а практика несравненно труднѣе, или даже просто была и невозможна; потому что упражненія дѣлались не съ перваго нумера, а съ 21-го, на которомъ остановились въ концѣ прежняго семестра. Но какъ первосеместральные могли дѣлать примѣры на спряженія, которыя они учили послѣднія три недѣли въ семестрѣ, когда было только одно новое и два повторительныхъ упражненія? Что упражненія эти и для второсеместральныхъ были дѣломъ нелегкимъ, видно изъ того, что многіе нумера были задаваемы по два раза сряду, каковы: 24, 25, 26, 27, 30, 32, 33-й. Такъ-какъ почти всѣ упраж-

ненія эти могли дѣлать только второсеместральные, значитъ, и они были еще нетверды въ спряженіяхъ, что̀ и оказывается изъ того обстоятельства, что въ этомъ семестрѣ они получали для повторенія 1-е спряженіе 6 разъ и въ 7-й разъ съ новичками, 2-е спряженіе 3 раза и въ 4-й разъ съ новичками и т. д.

Спрашивается: чѣмъ занимались новички, когда второсеместральные приготовляли и отвѣчали имъ однимъ заданное (такихъ было 11-ть уроковъ) или упражнялись въ примѣрахъ, для нихъ (новичковъ) почти недоступныхъ (таковыхъ около 17-ти)?

— Все новое, что сдѣлали второсеместральные въ 5-ть мѣсяцевъ, это 7-мь страницъ упражненій.

Какъ это должно дѣйствовать на ученика, объ этомъ такъ говорится въ педагогіи Шварца-Куртмана (Педагогія часть II § 19): «Безъ самой крайней необходимости нельзя требовать отъ ученика, чтобы онъ разъ хорошо имъ выученное и достаточно повторенное, повторялъ еще разъ, ради новопоступившихъ въ классъ учениковъ, и такимъ образомъ не подвигался бы впередъ. Это есть самое вѣрное средство отбить у него всю охоту къ ученію, а вмѣстѣ и подать поводъ ко всяческимъ шалостямъ... (Изъ примѣчанія): Надобно представить себѣ положеніе ученика даровитаго и ревностнаго, который первый годъ (а у насъ здѣсь—семестръ) по своемъ вступленіи въ классъ восходилъ отъ успѣха къ успѣху, и собралъ силы, чтобы стремиться къ новымъ успѣхамъ; но вмѣсто того, его заставляютъ, подъ предлогомъ повторенія, еще разъ пройти этотъ путь съ самаго начала вмѣстѣ съ новыми товарищами, которые гораздо ниже его по образованію. И онъ долженъ отказаться отъ всякой надежды на дѣйствительные успѣхи въ продолженіи цѣлаго года (у насъ — полугода). Такъ можно-ли послѣ того удивляться тому, что̀ ежедневно дѣлается у насъ подъ глазами? И однако не только высшее начальство, а даже сами учителя стоятъ за такое безтолковое устройство (Das Im Kreise herumführen) даже и въ томъ случаѣ, когда въ немъ вовсе нѣтъ надобности... Но если, по внѣшнимъ обстоятельствамъ; непремѣнно нужно соединять въ одномъ классѣ совершенно неравныхъ учениковъ (а таковы именно и были наши одно-двухъ-трехъ и четырехсеместральные), то учителю ничего другаго не остается, какъ прибѣгнуть къ раздвоенному преподаванію. Оно очень трудно, требуетъ большихъ напряженій и никогда не радуетъ такими успѣхами, какъ обученіе нераздвоенное... Раздвоенное преподаваніе можетъ оказаться необходимымъ

нетолько въ первоначальныхъ училищахъ, но также и въ другихъ. Такъ домашнимъ учителямъ приходится обучать вмѣстѣ старшихъ и младшихъ дѣтей. Въ небольшихъ городахъ, гдѣ училища одноклассныя, необходимо принимать дѣтей разныхъ лѣтъ; въ случаѣ болѣзни одного изъ учителей, товарищъ его соединяетъ его учениковъ съ своими и прибѣгаетъ также къ раздвоенному преподаванію».

Второй семестръ 1858 г. Всего латинскихъ уроковъ было 66, изъ низъ 45 теоретическихъ и 21 упражненіе. Этимологія (до неправильныхъ глаголовъ) пройдена собственно въ 34 урока, а за отчисленіемъ пяти уроковъ, употребленныхъ на затверженіе предлоговъ (которыхъ въ прежнихъ двухъ семестрахъ не учили), 29 уроковъ; повторительныхъ уроковъ было 12. Значитъ, этимологія пройдена еще съ большею поспѣшностію, чѣмъ въ каждый изъ предъидущихъ двухъ семестровъ. Повторительный урокъ по прежнему нерѣдко не превосходилъ объемомъ новаго и часто слѣдовалъ за нимъ непосредственно (знакъ, что урокъ не былъ выученъ), и также по прежнему то, что выучивается сразу, нѣсколько разъ повторяется; напр. 1-я два склоненія повторяются 7 разъ. Упражненій было всего 9 нумеровъ на пяти страницахъ, (уроковъ 21) для новичковъ большею частію недоступныхъ, потому что начинаются съ половины 3-го спряженія. Почти каждый нумеръ задаваемъ былъ по два раза, а нѣкоторые (37-й 39-й 41-й) даже и по три раза, и притомъ сряду; значитъ, къ нимъ приготовлялись худо. Двухсеместральные и трехсеместральные ученики шли на-равнѣ съ новичками (первосеместральными); новаго какъ тѣ, такъ и другіе узнали вмѣстѣ съ ними же двѣ страницы о предлогахъ и сдѣлали пять страницъ переводовъ.

Первый семестръ 1859 г. Всего латинскихъ уроковъ было 87, изъ нихъ 57 употреблены на изученіе правилъ, а 30 на упражненія. Изъ 57-ми теоретическихъ уроковъ 26 было новыхъ, остальные 31 урокъ повторительные; но какъ тѣ такъ и другіе расположены совершенно иначе, чѣмъ прежде. Начато съ спряженій и они пройдены въ 14 уроковъ, съ 25-ю уроками повторительными, а на всѣ склоняемыя части рѣчи употреблено также лишь 14 уроковъ новыхъ, съ четырьмя повторительными. Причина такого измѣненія прежняго способа состояла вѣроятно въ томъ, что ученики были очень нетверды въ спряженіяхъ, такъ какъ въ предъидущіе три семестра они проходили ихъ въ концѣ семестра по одному только

разу, и, по предположенію, можетъ быть, учителя, съ утомившимися силами. Теперь спряженія проходятся въ началѣ семестра и на нихъ употреблено уроковъ въ $2^1/_6$ раза болѣе, чѣмъ на всѣ склоняемыя части рѣчи, которыя пройдены быстро въ концѣ семестра и почти безъ повторенія. Результатъ, конечно, будетъ другой, но столь же невыгодный, лишь невыгоды будутъ другія: ученики, утвердившись въ спряженіяхъ, будутъ слабы въ склоненіяхъ. Новаго, сидѣвшіе въ классѣ уже одно, два и три полугодія ничего не имѣли, кромѣ 11-ти нумеровъ упражненій (на 7-ми страницахъ), которые шли по видимому весьма трудно, потому что нѣкоторыя задаваемы были по три раза сряду (напр. № 7 №№ 53, 55, 56), № 48 заданъ былъ четыре раза сряду, а № 57 даже пять разъ сряду.

Примѣчанія достойно, что вновь поступившіе ученики въ этомъ семестрѣ должны были начать латинскую грамматику съ глаголовъ, а упражненія со склоненій (№ 47—57).

Второй семестръ 1859 г. Всего латинскихъ уроковъ было 65, въ томъ числѣ: на изученіе правилъ 31, на повтореніе правилъ 10, на упражненіе 19, на повтореніе упражненій 5. Послѣ пяти склоненій перешли прямо къ глаголамъ съ выпускомъ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій, что̀ все пройдено въ четыре послѣдніе урока, по одному разу, безъ повторенія. По видимому, къ такому способу побудилъ учителя неудовлетворительный результатъ предъидущаго семестра, въ который наиболѣе усилій употреблено на спряженія, а всѣ склоняемыя части рѣчи пройдены бѣгло, и ученики въ нихъ вѣроятно оказались нетвердыми. Потому теперь изучались правила въ обыкновенномъ порядкѣ и такъ, что какъ на склоненія такъ и на спряженія употреблено почти по ровну уроковъ, именно на склоненія 17, на спряженія 20. За то прилагательныя, числительныя и мѣстоименія пройдены бѣгло, такъ что въ слѣдующемъ семестрѣ должна оказаться необходимость обратить на нихъ особенное вниманіе (что̀ дѣйствительно отчасти и случилось, какъ это видно ниже). Упражненія, которыя въ предшествовавшіе четыре семестра дѣлались по порядку изъ книги Элендта и доведены были до 57-го нумера, теперь начинаются опять съ 1-го нумера.

Первый семестръ 1860 г. Всего латинскихъ уроковъ было 62, въ томъ числѣ: на изученіе правилъ 27, на повтореніе правилъ 13, на упражненія 10, на повтореніе упражненій 12. На прилагательныя употреблено семь уроковъ, и если на числительныя только три,

а на мѣстоименія одинъ, то, это вѣроятно, по недостатку времени въ этомъ семестрѣ и отложено до втораго семестра 1860 года.

Во второмъ пунктѣ упомянутаго министерскаго предписанія отъ 17-го іюля 1845 г. за № 938 изложено второе понудительное средство къ успѣхамъ въ русскомъ языкѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Для полученія аттестата за успѣхи въ русскомъ языкѣ и за особенное письменное упражненіе установляется № 1». Въ дополненіе къ тому, попечитель съ своей стороны воспретилъ [1]) при выпускномъ письменномъ экзаменѣ употребленіе словаря; такъ какъ послѣ инструкціи (отъ 5-го ноября 1834 г.), въ которой это позволялось, средства для изученія русскаго языка увеличены. Такъ выражался попечитель; но справедливость требуетъ замѣтить, что требованія относительно русскаго языка далеко опередили насущныя средства его преподаванія, впрочемъ, не по винѣ правительства, два раза простиравшаго щедрую руку на помощь остзейцамъ къ изученію русскаго языка, а единственно отъ противодѣйствія распорядителей, хотя пока лишь пассивнаго.

При этомъ, какъ и прежде, напрасны были представленія низшихъ исполнителей о необходимости, для осуществленія предначертаній правительства, примѣнить къ дѣлу всѣ указанныя министромъ средства. Въ то время старшій учитель русскаго языка при рижской гимназіи доносилъ чрезъ директора о необходимости увеличенія числа русскихъ уроковъ, въ слѣдующихъ словахъ: «при окончаніи 1-го трехгодичнаго срока учебному плану (въ 1845 г.) казалось неумѣстнымъ представлять о необходимости увеличенія числа учебныхъ часовъ, потому что высшее начальство, при начертаніи плана, конечно опредѣляло объемъ преподаванія русскаго языка степенью познаній, которыя требовались тогда отъ учащихся, и которыя могли быть достигнуты при данныхъ къ тому средствахъ. Нынѣ же, когда отъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ гимназіи и поступающихъ въ университетъ, повелѣно требовать *отличныхъ* познаній въ русскомъ языкѣ, и переводнымъ баломъ по этому предмету изъ 3-го класса во 2-й и изъ сего въ 1-й назначенъ № 4, число часовъ, назначенныхъ учебнымъ планомъ 1842 г. для преподаванія русскаго языка очевидно оказывается въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи новымъ требованіямъ и крайне недостаточнымъ для пріобрѣтенія въ русскомъ языкѣ познаній, обширнѣйшихъ, нежели во

---

[1]) Отъ 24-го іюля 1845 г. № 996.

всякомъ другомъ предметѣ. Напр. обитуріентъ, получившій изъ латинскаго языка № II, признается зрѣлымъ для поступленія въ университетъ; по предмету же русскаго языка для него необходимъ № I, между тѣмъ, какъ для снисканія познаній въ русскомъ языкѣ высшихъ, нежели въ латинскомъ, назначено не бо́льшее, но почти четвертою долею меньшее число учебныхъ часовъ по всѣмъ классамъ гимназіи вмѣстѣ: для латинскаго 32, для русскаго только 25; но если отсчитать 5 уроковъ исторіи и географіи, такъ какъ отъ нихъ польза только половинная, а вѣрнѣе ⅓ пользы, то будетъ лишь 22 урока и отношеніе измѣнится еще къ большей невыгодѣ русскаго языка. Если же теперь сравнить относительныя трудности изученія русскаго и латинскаго языковъ, то всякій встрѣтитъ на сторонѣ перваго несравненно большія. И во 1-хъ, латинскій языкъ есть языкъ мертвый, болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ доселѣ установившійся навсегда неизмѣнно. Русскій же, напротивъ, есть языкъ живой, еще неболѣе одного столѣтія получившій письменность и вмѣстѣ съ образованіемъ народа движущійся и развивающійся съ безпрестанно возрастающею быстротою, а посему трудно уловимый для сидячаго кабинетнаго изучателя, и долженъ быть передаваемъ непосредственно, живымъ словомъ, изъ устъ въ уста. Во 2-хъ, тогда какъ латинскій языкъ разработанъ многовѣковыми трудами ученнѣйшихъ людей и въ слѣдствіе того для изученія его существуетъ такое множество превосходнѣйшихъ руководствъ, что онъ теперь сталъ доступнымъ для всякаго самоучки, тогда какъ чтеніе классическихъ авторовъ облегчено до удивительной легкости полнѣйшими словарями, безчисленными переводами и комментаріями всѣхъ возможныхъ родовъ: для изученія русскаго языка напр. нѣмцами, не только нельзя указать ни одной хоть сносной грамматики, ни одного сколько-нибудь надежнаго словаря, но самые законы и основанія языка такъ мало изслѣдованы, такъ спорно и шатко опредѣлены, что иностранцу во вѣки не познать его теоретически, а должно изучать практически, въ живой рѣчи, наслышкою и собственнымъ упражненіемъ, при безпрестанномъ руководствѣ учителя. Въ 3-хъ, наконецъ, окончательная цѣль изученія латинскаго языка, сверхъ формальной пользы самого процесса изученія, есть всестороннее пониманіе классическихъ писателей — не болѣе; по предмету же русскаго языка отъ учащагося требуется, чтобъ онъ не только легко и вполнѣ понималъ всякое русское сочиненіе, но и самъ бы могъ свободно и правильно выражаться на немъ, какъ

письменно, такъ и изустно. Для удовлетворенія этимъ великимъ требованіямъ крайне необходимо увеличеніе числа учебныхъ часовъ, назначенныхъ для изученія русскаго языка»... Затѣмъ, слѣдуетъ разсмотрѣніе того, сколько было бы нужно прибавочныхъ русскихъ уроковъ и въ какихъ классахъ, и предлагается возвратить преподаваніе русской географіи нѣмецкому учителю, а вмѣсто того естественную исторію въ двухъ низшихъ классахъ по два урока въ недѣлю преподавать по-русски, и въ заключеніе говорится: «безплодны всѣ усиленныя требованія безъ умноженія средствъ къ исполненію ихъ, тѣмъ болѣе, что для здѣшняго юношества внѣ школы нѣтъ случая пріобрѣсть живое знаніе русскаго языка».

Подобнымъ образомъ русскіе учители, получивъ чрезъ директора предписаніе отъ попечителя [1]: «по указанію программъ преподаванія русскаго языка, присовокупить къ нимъ подробнѣйшія опредѣленія, имѣющія въ виду болѣе живопрактическое примѣненіе правилъ, большее упражненіе въ сочиненіяхъ и въ неподготовленной рѣчи», между прочимъ доносили: «для пріобрѣтенія живаго знанія русскаго языка недостаточно средствъ ни въ высшихъ классахъ, ни въ низшихъ. Уясненіе правилъ примѣрами относится къ теоріи, а не къ практикѣ языка, потому что разрозненныя, случайныя и притомъ, чаще всего, пустыя выраженія несвойственны живой человѣческой рѣчи. Упражненія въ переводахъ по хрестоматіямъ въ томъ объемѣ, въ какомъ возможно оно въ училищахъ, есть также собственно упражненіе въ правилахъ и отнюдь не можетъ снабдить ученика язычнымъ запасомъ, который могъ бы лечь въ основаніе живаго владѣнья языкомъ. Отсюда вытекаетъ та, всегдашними и повсемѣстными опытами доказанная истина, что живому употребленію чужаго языка можно научиться лишь изъ жизни, или въ школѣ, но въ которой науки преподаются на томъ самомъ языкѣ. Вмѣсто русской географіи комитетъ предлагалъ ввести преподаваніе на русскомъ языкѣ естественной исторіи въ 2-хъ низшихъ классахъ по два урока въ каждомъ. Съ этою наукою, по ея общежитейскому содержанію, по относительной легкости (въ размѣрахъ, дѣтскому возрасту соотвѣтственныхъ) и по самой наглядности предметовъ, входящихъ въ ея составъ, ученикъ не только можетъ пріобрѣсть богатѣйшій язычный запасъ, но и переработать

[1]) Отъ 8-го марта 1862 г. № 514.

его живымъ употребленіемъ. Кромѣ того, русскіе учители выставляли, что для преподаванія русскаго синтаксиса не довольно одного часа во 2-мъ (сверху) классѣ; нужно посвятить тому одинъ урокъ и въ высшемъ классѣ, потому что въ складѣ и движеніи мыслей и даже въ самомъ образѣ первоначальныхъ воззрѣній русскій языкъ едва-ли съ какимъ изъ западныхъ языковъ такъ далеко расходится, какъ съ нѣмецкимъ. Извѣстно, какъ ярко бросается въ глаза нѣмецкій складъ рѣчи нетолько въ сочиненіяхъ русскихъ писателей нѣмецкаго происхожденія, но и природныхъ русскихъ, которые, безъ предварительнаго окрѣпленія въ своей народности, получили ученое образованіе по нѣмецкимъ книгамъ. По этому можно судить, какія долговременныя усилія и какія средства потребны учителю, чтобы поставить нѣмецкаго юношу на точку русскихъ язычныхъ воззрѣній, привить ему чувства языка, дать ему слогъ: однимъ словомъ, научить его писать и говорить дѣйствительнымъ, живымъ русскимъ языкомъ. Наконецъ, для усиленія упражненій въ русскомъ языкѣ комитетъ русскихъ учителей предлагалъ передать русскому учителю по одному латинскому уроку во 2-мъ и въ 1-мъ классахъ, для перевода какого-либо изъ предписанныхъ тамъ латинскихъ прозаиковъ на русскій языкъ. Это, безъ ущерба успѣхамъ въ латинскомъ языкѣ, могло бы тѣмъ болѣе подвинуть практическое владѣніе языкомъ русскимъ, что ученикъ хоть нѣсколько отвыкалъ бы отъ нѣмецкой формы мысли, т. е. не говорилъ бы по-русски, переводя въ головѣ непремѣнно съ нѣмецкаго. Эти новые два часа можно бы дать русскому учителю вмѣсто такъ называемыхъ дополнительныхъ уроковъ (по одному во 2-мъ и въ 1-мъ классахъ), польза которыхъ не можетъ быть ощутительна, потому что бѣда не въ томъ, что въ классѣ есть слабые ученики (каковые вездѣ есть и всегда будутъ), но въ томъ, будто лучшіе-то ученики недовольно хороши. Между тѣмъ нѣкоторые изъ обязательныхъ уроковъ учителя истрачиваются на малую часть учениковъ, которые все таки упорно остаются слабѣйшими — по слабости способностей». Всѣ эти желанія и предложенія русскихъ учителей оставлены безъ вниманія, числа русскихъ уроковъ не увеличивали, о преподаваніи какого-либо изъ учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ даже ни слова упомянуть не хотѣли. Но этимъ не кончилось.

V.

Стараніе остзейскихъ гимназическихъ конференцій объ отмѣнѣ мѣръ правительства къ усиленію успѣховъ въ русскомъ язвкѣ. — Напрасныя усилія русскихъ учителей отстоять эти мѣры. Рѣшительное отмѣненіе попечителемъ (26-го марта 1862 г.) министерскаго предписанія о требованіи отмѣтки № 1 въ русскомъ языкѣ на выпускномъ экзаменѣ и допущеніе № 2-го для полученія аттестата.

Открылось стремленіе къ уничтоженію того немногаго, съ чѣмъ уже свыклось было здѣшнее общество, что уже удалось было внести въ здѣшній бытъ, претерпѣвъ безчисленныя нареканія и униженіе.

Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, когда въ дерптскомъ университетѣ, при словесномъ экзаменѣ (colloquium) учениковъ, выпущенныхъ изъ гимназій, по окончаніи курса, оказалось [1]), что, «познанія ихъ въ основаніяхъ и первыхъ началахъ особенно закона Божія и математики чрезвычайны нетверды и недостаточны», и попечитель чрезъ директора, предписалъ гимназической конференціи «изыскать средства къ устраненію означеннаго недостатка», члены конференціи въ поданномъ ими письменномъ объясненіи предложивъ для того нѣкоторыя мѣры, какъ-то усиленіе строгости пріемнаго экзамена, повтореніе началъ науки въ викаріатные часы, введеніе ихъ въ число предметовъ выпускнаго экзамена и т. д. въ заключеніе объявили слѣдующее: «предлагая всѣ эти мѣры, конференція не можетъ скрыть отъ себя (!), что отъ нихъ нельзя ожидать большой пользы до тѣхъ поръ, пока не будутъ произведены измѣненія въ дѣйствующихъ нынѣ опредѣленіяхъ о выпускномъ экзаменѣ, а слѣдовательно и въ цѣломъ устройствѣ нашихъ гимназій, которое находится съ ними въ связи. Теперь множество учебныхъ предметовъ, въ которыхъ равномѣрно требуется значительное количество положительныхъ познаній, препятствуетъ здравому и благоуспѣшному развитію духа, и ученики стараются только о пріобрѣтеніи механическаго знанія на память, для экзамена. Больше же всего съ каждымъ полугодіемъ возрастающія требованія, по предмету обученія русскому языку, даютъ этому учебному предмету такое мѣсто, которое причиняетъ ущербъ всѣмъ другимъ предметамъ и точка тяготѣнія всего гимназическаго организма совершенно сдвигается съ своего мѣста. Пока останется дѣйствующимъ опредѣленіе, по ко-

---

[1]) Предписаніе попечителя директору отъ 13-го августа 1859 г. № 1195.

торому оканчивающій курсъ гимназіи, хотя бы и имѣлъ по всѣмъ предметамъ № I или II, долженъ быть однако признаваемъ недостигшимъ научной зрѣлости для поступленія въ университетъ и неспособнымъ къ изученію въ немъ наукъ, если онъ не получилъ изъ русскаго языка № I; до тѣхъ поръ прилежаніе учениковъ будетъ обращено исключительно на одинъ этотъ предметъ; другіе же предметы, въ которыхъ основательное приготовленіе есть наиважнѣйшее условіе для успѣшности университетскихъ занятій, будутъ пренебрегаемы тѣмъ болѣе, чѣмъ они труднѣе, каковы математика и древніе языки, такъ какъ и при № III во всѣхъ этихъ трехъ предметахъ, ученикъ еще можетъ получить свидѣтельство въ зрѣлости, если только онъ удовлетворилъ требованіямъ относительно русскаго языка». На это русскіе учители представили по начальству письменное возраженіе, въ которомъ между прочимъ говорили:

«На основаніи Высочайшаго указа отъ 16-го декабря 1836 г., въ слѣдствіе министерскаго предписанія отъ 8-го іюля 1845 года, послѣдовалъ отъ г. попечителя отъ 17-го іюля того-же года за № 938 рескриптъ, въ которомъ изложены усиленныя противъ прежняго требованія по предмету русскаго языка, именно: переводнымъ балломъ изъ класса въ классъ предписано считать № 4 и отъ выпускаемыхъ съ аттестатомъ требовать № I. Послѣ того, въ теченіи послѣднихъ 14-ти лѣтъ, никакихъ новыхъ требованій намъ предъявлено не было. Да и вышеупомянутое увеличеніе требованій не могло произвесть никакого существеннаго измѣненія въ дѣлѣ обученія русскому языку, такъ какъ умноженіе средствъ, къ выполненію тѣхъ новыхъ требованій, изложенное министромъ, именно: 1) увеличеніе числа уроковъ, 2) преподаваніе по крайней мѣрѣ одной науки на русскомъ языкѣ, — не приведено въ исполненіе. Слѣдовательно, одинъ только разъ, 14-ть предъ симъ лѣтъ увеличенныя (а не съ каждымъ полугодіемъ увеличиваемыя) требованія по предмету русскаго языка не могли нанесть никакого ущерба другимъ учебнымъ предметамъ, потому что ни отъ одного изъ этихъ послѣднихъ не отнято средствъ, для увеличенія средствъ преподаванія русскаго языка; при новыхъ требованіяхъ средства остались прежнія, а потому и «точкѣ тяготѣнія всего гимназическаго организма не отъ чего было сдвинуться съ своего мѣста». 2) Намъ неизвѣстно такое предписаніе, въ которомъ было бы сказано: оканчивающій курсъ гимназіи, хоть бы имѣлъ по всѣмъ предметамъ № I или II, *долженъ быть однако признаваемъ недостигшимъ на-*

ученой зрѣлости, нужной для поступленія въ университетъ и неспособнымъ къ продолженію въ немъ наукъ, если онъ не получилъ изъ русскаго языка № I. Въ относящемся къ этому дѣлу предписаніи отъ 17-го іюля 1845 г. за № 938 говорится такъ: «для полученія аттестата за успѣхи въ русскомъ языкѣ и за особенное, письменное сочиненіе установляется № I». 3) Мы не признаемъ справедливымъ утвержденіе конференціи, будто «прилежаніе учениковъ обращено исключительно на одинъ предметъ (русскій языкъ)», потому что объемъ и домашнихъ приготовленій учениковъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ въ точности опредѣленъ училищнымъ начальствомъ, въ особенномъ предписаніи: «правила о количествѣ времени, назначаемомъ для домашнихъ приготовленій воспитанниковъ гимназій дерптскаго учебнаго округа, по классамъ и учебнымъ предметамъ, *съ цѣлію равномѣрнаго раскрытія и преуспѣянія всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ учениковъ*» (Gleichmässige Entwickelung und Steigerung aller Geistes- und Gemüthsanlagen). Этихъ правилъ русскіе учители до сихъ поръ не нарушали; по крайней мѣрѣ, непосредственное ихъ начальство, которое контролируетъ задачи, записываемыя въ классныхъ журналахъ, никакихъ замѣчаній на этотъ счетъ имъ доселѣ не дѣлало. Наконецъ 4) мы несогласны съ толкованіемъ, которое конференція, по видимому, придаетъ предписанію г. попечителя отъ 7-го іюля 1855 г. за № 1138, будто въ немъ поощряется занятіе русскимъ языкомъ, какъ бы съ пренебреженіемъ успѣховъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ: *при № III въ этихъ трехъ предметахъ ученикъ еще можетъ получить свидѣтельство въ зрѣлости, если только онъ удовлетворилъ требованіямъ относительно русскаго языка*. Хотя въ упомянутомъ предписаніи г. попечителя во 2-мъ пунктѣ и сказано: «За отмѣтку № II въ трехъ предметахъ и № III много что въ трехъ предметахъ, дается общій № II, если у воспитанника въ русскомъ языкѣ отмѣтка № I»; но этимъ собственно не придано вовсе новой силы нумеру 1-му въ русскомъ языкѣ, а только указана необходимость имѣть его ученику даже и для полученія свидѣтельства съ общимъ выпускнымъ № II и русскій нумеръ здѣсь столько же прикрываетъ собою недостаточность прочихъ, сколько прикрывалъ бы эту недостаточность № I и даже № II во всякомъ другомъ предметѣ; такъ какъ, по смыслу 3-го пункта того же предписанія, три отмѣтки съ № III не препятствуютъ ученику получить общій выпускной № II, лишь бы не было такихъ отмѣтокъ (№ III) больше, чѣмъ въ трехъ

предметахъ. Какъ ни прискорбно намъ, учителямъ русскаго языка, противорѣчить всѣмъ своимъ товарищамъ, но мы считаемъ долгомъ своей совѣсти и присяги заявить глубокое огорченіе, что они теперь даже оффиціально высказали, что ревнуютъ учениковъ къ русскому языку. Таковое ихъ неблагопріятство по необходимости дѣйствуетъ разрушительно на охоту учениковъ къ занятію русскимъ языкомъ, дѣлаетъ въ ихъ глазахъ и вообще въ глазахъ публики ненавистными теперешнія мѣры къ его распространенію, яко бы противодѣйствующія универсальному образованію воспитанниковъ и, наконецъ, несказанно затрудняютъ положеніе русскихъ учителей, дѣлая напрасными всѣ самыя энергическія ихъ усилія удовлетворить требованіямъ своего начальства».

Но напрасны были усилія русскихъ учителей удержать русскій языкъ на томъ почетномъ мѣстѣ въ ряду другихъ учебныхъ предметовъ, которое, послѣ сорока-лѣтнихъ усилій (начиная съ 1820 года), правительство успѣло доставить ему, если не вполнѣ de facto, то по крайней мѣрѣ de jure. Въ концѣ 1861 г. прислано попечителемъ въ рижскую учительскую конференцію на обсужденіе, а этою послѣднею одобрено слѣдующее:

«Предложеніе дерптскаго директора училищъ г. попечителю отъ 7-го ноября 1861 г., чтобы вмѣсто предписанныхъ отмѣтокъ: вполнѣ удовлетворительно, вообще удовлетворительно, посредственно, введены были въ протоколахъ (выпускныхъ экзаменовъ) отмѣтки № I очень хорошо, № II хорошо, № III посредственно, и чтобы, *наравнѣ* съ прочими предметами и въ русскомъ языкѣ отмѣтка № II, хорошо, считалась достаточною для полученія аттестата, дающаго право на вступленіе въ университетъ. Кромѣ той несообразности, что при *допущеніи* только одной отмѣтки № I невозможно означить неизбѣжную разность въ степени познаній, которыя и у выдержавшихъ экзаменъ бываютъ непремѣнно весьма неравны, теперь испытанія, дѣлавшіяся прежде при университетѣ, перенесены въ гимназіи. Нельзя однако ожидать, чтобы познанія въ языкѣ юношей, обучающихся внѣ гимназіи, въ короткое время возвысились до того, что могли бы удовлетворять требованіямъ гимназіи. Конференція, думаетъ, что прилагаемымъ видоизмѣненіемъ отмѣтокъ можно удовлетворить существующимъ узаконеніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить встрѣчающіяся нынѣ при испытаніяхъ несообразности». Но старшій учитель русскаго языка, находя предложеніе дерптскаго директора противнымъ какъ своему убѣжденію,

такъ и справедливымъ требованіямъ правительства, просилъ директора препроводить къ высшему начальству заявленіе его несогласія на вышеупомянутое предложеніе понизить требованія познаній въ русскомъ языкѣ отъ поступающихъ въ университетъ и приводилъ между прочимъ слѣдующее: «1) Конференція, предлагая измѣнить толкованіе нумерныхъ отмѣтокъ во всѣхъ учебныхъ предметахъ, поводомъ къ тому выставляетъ несообразность, будтобы встрѣчаемую при выпускныхъ экзаменахъ только по предмету русскаго языка, такъ какъ по другимъ учебнымъ предметамъ отмѣтка № II и № III не препятствуетъ къ полученію аттестата. Но если № I дается русскимъ учителемъ, по мнѣнію конференціи, не равномѣрно, то конечно не въ слѣдствіе внутренней неопредѣленности той отмѣтки, потому что г. министръ народнаго просвѣщенія, предписавъ требовать отъ получающаго аттестатъ исключительно отмѣтки № I въ русскомъ языкѣ, не придалъ ей другаго толкованія, кромѣ того, которое она имѣетъ по другимъ предметамъ. 2) Если же русскій учитель, давая иногда № I такому ученику, который заслуживаетъ собственно не болѣе № II, вынуждался бы къ тому своимъ положеніемъ, то, въ видахъ содѣйствія къ исполненію справедливыхъ требованій правительства, слѣдовало бы указать средства къ устраненію обстоятельствъ, препятствующихъ свободному рѣшенію учителя при постановкѣ отмѣтки. Конференція же, какъ бы для предупрежденія случайнаго нарушенія законныхъ постановленій объ № I, предлагаетъ узаконить это самое нарушеніе навсегда. Только этою, а не другою какою-либо цѣлью можетъ быть объяснена и предлагаемая перемѣна толкованія въ особенности № II, такъ какъ вновь вводимое выраженіе *хорошо*, заключая въ себя положительное одобреніе, благовидно прикрываетъ то нарушеніе узаконеннаго порядка, на которое ясно указывала бы прежняя отмѣтка *вообще удовлетворительно*, прямо названная высшимъ начальствомъ недостаточною для полученія аттестата. 3) Дерптская учительская конференція указываетъ и на другую причину необходимости пониженія требованій относительно русскаго языка, на ту именно, что готовившіеся къ поступленію въ университетъ не въ гимназіяхъ имѣли надежду, экзаменуясь при университетѣ, быть принятыми съ № II по предмету русскаго языка, и теперь по перенесеніи экзаменовъ отъ университета въ гимназіи, гдѣ требуется № I, они не могутъ въ короткое время достигнуть такой степени познаній. Но если бы и нужно было въ настоящее время оказать снисхожденіе молодымъ

людямъ, обучавшимся не въ гимназіяхъ, то этого легко бы достигнуть временною облегчительною мѣрою, въ пользу лишь именно таковыхъ экстерновъ; а на какомъ основаніи можно распространять эту мѣру и на оканчивающихъ курсъ гимназіи, которые вотъ уже 17 лѣтъ получали аттестатъ неиначе какъ за № I? 4) Наконецъ, мнѣніе Дерптской учительской конференціи, будто бы «предлагаемымъ измѣненіемъ отмѣтокъ можно удовлетворить существующимъ узаконеніямъ (Umstellung der Censuren genügt den bestehenden Gesetzen)» весьма ошибочно, потому что предлагаемыя конференціею мѣры находятся въ прямомъ и явномъ противорѣчіи съ существующими и всѣмъ извѣстными узаконеніями, равно какъ съ требованіями правительства, неоднократно въ теченіе послѣднихъ 27-ми лѣтъ объявленными и подтвержденными, между прочимъ напр. въ томъ предписаніи г. министра народнаго просвѣщенія (8-го іюля 1845 г. № 6493), въ которомъ узаконяется № I для полученія аттестата, гдѣ сказано: «успѣхи въ изученіи русскаго языка въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ не должны останавливаться на той же степени, а безостановочно стремиться къ возможному совершенству». Предлагаемыя же дерптскою учительскою конференціею и принимаемыя рижскою измѣненія не только не будутъ содѣйствовать безостановочному возрастанію успѣховъ въ русскомъ языкѣ, но явнымъ образомъ ихъ остановятъ и задержатъ».

Эти представленія старшаго русскаго учителя рижской гимназіи, разумѣется, не были уважены, и въ концѣ марта мѣсяца 1862 г. присланы утвержденныя попечителемъ 26-го марта «правила выпускнаго испытанія — желающихъ поступить въ число студентовъ дерптскаго университета», гдѣ въ § 14 значится: «Для опредѣленія результата испытанія (какъ въ каждомъ предметѣ отдѣльно, такъ и для средняго вывода по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ) установляются отмѣтки: очень хорошо (№ 1), хорошо (№ 2) посредственно (№ 3), неудовлетворительно (№ 4). § 24. Въ русскомъ языкѣ, сообразно съ предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 8-го іюля 1845 г. за № 6493, требуется, чтобы испытуемый былъ въ состояніи писать на заданный предметъ или переводить съ нѣмецкаго, не дѣлая ошибокъ, вредящихъ смыслу и легко понимать стихи и прозу нашихъ извѣстныхъ писателей прошедшаго и настоящаго вѣка, хотя бы испытуемый объяснялся по-русски несовершенно чисто, но безъ слишкомъ замѣтнаго затрудненія, и хотя бы имѣлъ несовсѣмъ правильный выговоръ. Для этой цѣли испытуе-

мый долженъ написать сочиненіе на тему изъ средней или новой исторіи, безъ помощи грамматики и словаря. Изъ сочиненія его должно явствовать, что онъ въ состояніи довольно свободно выражать свои мысли порусски, безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ и безъ грубыхъ германизмовъ. На устномъ испытаніи онъ долженъ быть въ состояніи безъ труда понимать какъ стихотворныя, такъ и прозаическія довольно легкія статьи, довольно развязно переводить съ нѣмецкаго языка на русскій умѣренно трудныя статьи. Кромѣ того, онъ долженъ имѣть свѣдѣнія объ общемъ ходѣ русской литературы отъ Ломоносова до настоящаго времени и дать отчетъ на русскомъ языкѣ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого времени. Требуется также доказать свое знакомство съ русской исторіей на русскомъ языкѣ въ общемъ обзорѣ, особенно же XVIII и XIX столѣтій. Такія свѣдѣнія считаются достаточными для поступленія въ университетъ, а различная ихъ степень должна быть означаемая номерами 1 и 2-мъ; если же испытуемый окажетъ меньше знаній, то получаетъ отмѣтку: неудовлетворительно». По полученіи черезъ директора рижской гимназіи новыхъ правилъ выпускнаго экзамена, старшій учитель русскаго языка той же гимназіи представилъ высшему начальству черезъ директора записку о томъ, что новыя правила относительно русскаго языка, вѣроятно, по недосмотру основаны не на томъ министерскомъ предписаніи, которое соблюдалось уже 16½ лѣтъ при выпускныхъ гимназическихъ экзаминахъ, а на другомъ, которое на гимназіи никогда не простиралось, а относилось къ пріемнымъ въ университетѣ экзаменамъ и съ отмѣною ихъ, по Высочайшему повелѣнію 1-го мая 1861 года, теряетъ свою силу и дѣйствіе, и, такъ сказать, отмѣняется само собою. Въ подтвержденіе различнаго назначенія этихъ двухъ министерскихъ предписаній, учитель сослался на попечительскій рескриптъ отъ 17-го іюля 1845 г. за № 938 и на собственныя слова попечителя (того самого, который теперь утвердилъ правила о пониженіи требованій по предмету русскаго языка) въ предписаніи отъ 11-го мая 1856 года за № 916, о томъ же самомъ предметѣ, гдѣ сказано: «утвержденныя мною правила классныхъ экзаменовъ отъ 23-го апрѣля 1856 г. № 812, не состоятъ ни въ какой связи съ спеціальнымъ министерскимъ предписаніемъ, изложеннымъ въ попечительскомъ рескриптѣ отъ 17-го іюля 1845 года № 938, по которому (по министерскому предписанію) для перевода изъ одного класса въ другой требуется, полное, основательное и твердое знаніе русскаго языка (№ 4)

и то министерское предписаніе сохраняетъ всю свою силу и дѣйствіе».

Упомянутое здѣсь г. попечителемъ спеціальное министерское предписаніе, которое по его же словамъ должно сохранять для гимназій всю свою силу и дѣйствіе, и есть именно то самое, во 2-мъ пунктѣ котораго постановлено оканчивающимъ курсъ гимназіи для полученія аттестата имѣть № I. Слѣдовательно, и нынѣ это министерское предписаніе должно сохранять свою силу и дѣйствіе, пока не будетъ отмѣнено другимъ новымъ, но — министерскимъ же. Въ отвѣтъ на это представленіе директоръ получилъ предписаніе сдѣлать учителю строгое замѣчаніе, содержаніе котораго можно выразить двумя словами: не разсуждать!

